

Комбат Найтов

ПАРТИЗАН

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

Партизан

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Партизан / К. Найтов — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146901-6

Книги, фильмы и Интернет в настоящее время просто завалены «злобными орками из НКВД» и еще более злобными представителями ГЭПэУ, которые без суда и следствия убивают курсантов учебки прямо на глазах у всей учебной роты, в которой готовят будущих минеров. И им за это ничего не бывает! Современные писатели напрочь забывают о той роли, которую сыграли в той войне эти структуры. В том числе для создания на оккупированной территории целых партизанских районов и областей, что в итоге очень помогло Красной армии и в обороне страны, и в ходе наступления на Берлин. Главный герой этой книги – старшина-пограничник и «в подсознании» у него замаскировался спецназовец-афганец, с высшим военным образованием, с разведывательным факультетом Академии Генштаба. Совершенно непростой товарищ, с богатым опытом боевых действий. Другие там особо не нужны, наши родители и сами справились с коричневой чумой. А вот помочь знаниями не мешало бы. Они ведь пришли в армию и в промышленность «от сохи», но превратили ее в ядерную державу. Так что, знакомьтесь: «злобный орк из НКВД» сорвался с цепи в Белоруссии!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146901-6

© Найтов К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Комбат Найтов Партизан

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 214

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Комбат Найтов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Начало этой истории выглядело совершенно буднично, не было ничего необычного. Выехали с сыном на рыбалку на Вуоксу, забастовал двигатель у катера. В топливной системе оказалось масло, пару часов двигатель даже не чихал, а «японцы» сделаны очень неплохо, разобрать их довольно сложно, тем более что до этого он ни разу не отказывал. Но после последней рыбалки, при выгрузке из него вытекло немного масла, пришлось затирать пол. Хотя перевозился штатно, как обычно. В общем, пока возились, подъехала компания, в которой оказалось несколько шапочно знакомых товарищей, таких же любителей рыболовов-охотников, с которыми уже доводилось пересекаться в течение нескольких лет. У них нашлись новые свечи и новый фильтр к «Ямахе», а карбюратор к этому времени я уже сам промыл и прочистил. Мотор запустился, поддымливал и подчихивал, недобирал мощности, но сил до черта, катером добрались до острова, где сын занялся лагерем, а я продолжил ремонт и неполную разборку «Ямахи». Прокалил «старые» свечи, промыл всю топливную систему, насосом продул заново карбюратор, двигатель заработал как часы.

Собираясь на рыбалку, не стоит пренебрегать остальными видами питания, так что с собой было много шашлыка из барашка, несколько дней лежащего в маринаде из очень кислого вина «Каберне-Совиньон» из трехлитрового тетрапака.

Мужики остановились неподалеку, у них дымил костер, хорошо различимый с нашего острова. Решил отвезти им шашлыков и вернуть то, что брал у них на пристани. Захватили с собой упаковку «Хейнекена». В общем, от нашего стола – вашему столу. Плюс по дороге на блесну хороший судачок хапнул. Двух человек из троих до этого я уже встречал, еще когда лесничество функционировало как лесничество. Третьего я видел впервые. Тогда мы несколько дней жили в соседних комнатах, вполне нормальные ребята, один инженер-строитель, второй каким-то бизнесом занимается. Третий оказался писателем-историком. Свято верил в Аркаим, в особую роль славян в мировой истории, в шаманизм и прочую ерунду. В общем, сын сгонял на катере за мангалом и углем, и уже открытой бутылкой с шашлыком (я шашлык для выезда на рыбалку и охоту в шестилитровых пластиковых бутылках мариную и перевожу). И мы остались у гостеприимных соседей на ужин.

Про шаманизм и прочие заносы третьего мужика узнали чуть позже, когда уговорили первую порцию отличнейшей баранины. Делать такой шашлык долго, все пленочки необходимо снять до того, как он в вине окажется, и следить за его состоянием на мангале, для чего у нас с собой был небольшой аккумулятор с 12-вольтовой лампочкой на светодиодах. У шамана-писателя оказалась десятилитровая канистра с каким-то «чемергесом». Я крепкое практически не употребляю, сын даже пива не пьет, но «за компанию и жид удавится». Пару глотков, чтобы не обижать хозяев, я сделал. Разошлись по островам около часа ночи, вдосталь наспривившись об Аркаиме, выслушав море рассказов о случаях на рыбалках, довольные и сытые. Улеглись спать, планируя подняться на зорьке и разбежаться по протокам.

...Но проснулся я от боли в ноге, страшного грохота, трескотни незнакомых пулеметов и воя сирен. Лежу под обломками какого-то строения. Тут же поцарапал лоб о какие-то гвозди, рукой загнул их в сторону, чтобы больше не царапались. Правую ногу зажал какой-то упавшей балкой и столом, судя по тому, что я смог ощупать. Везет мне на заваливание! Еще с ташкентского землетрясения! И все время именно правая нога попадает в ловушку. Особенно приятно было в Тикси, где курсант-водитель вывернул нас на «уазике» в небольшую лужу в кювете. А «козлик» передним сиденьем прижал ногу к дну какой-то лужи. Чуть не утонул в 20 сантиметрах воды. Один нос торчал из нее. Но там у меня был кроссовок, который так и остался под машиной, а я успел вылезти до того, как она полыхнула. Инструктора я тогда успел вытащить, а курсанту уже было все равно. Здесь тоже что-то горит, надо выбираться побыстрее, а не получается: на ногах какие-то «гады» со шнуровкой, нога из ботинка не вылезает. На боку на ремне оказался нож, с помощью которого я разрезал шнурки и смог вытащить ногу из-под стола. Но «свободы» я так и не получил: только ползком, да еще и пожар приближается. Дополз до какого-то отверстия в полу, чуть расширил его и пролез ниже, в подвал. Лучше бы я этого не делал! Дыру пробила неразорвавшаяся бомба, рядом с которой приземлился и я. Ощупал ее руками, понял, что попал, как кур в ошип, обнаружил в кармане коробок спичек, а справа пробивавшийся свет. Чиркнул спичкой: мать моя женщина! Склад боепитания! Здравствуй, жопа, Новый год. Сейчас эта хреновина от первой же искры начнет детонировать.

А пожарчик наверху продолжал разгораться. Выход преграждала металлическая дверь, а свет пробивался через отверстие в стене фундамента. Там, по всей видимости, что-то крупное рвануло, бетон был сильно выкрошен. У входа, как положено, противопожарный щит, есть лом и кирка. В бешеном темпе начал выковыривать из стены куски бетона, расширяя небольшую дыру. Всё, протиснуться можно, подтащил несколько ящиков, чтобы было удобнее. В этот момент обратил внимание на то, что звуков боя не стало. По времени прошло полтора часа. Со стороны дыры слышны голоса по-немецки, короткие злые команды. Раздалось несколько оди-

ночных выстрелов. При тусклом свете, пробивавшемся через отверстие, я посмотрел на себя и обнаружил, что на мне гимнастерка, а не камуфлированный комбинезон-«цифра», в котором я поехал на рыбалку, на поясе нож и кобура, а на рукаве – повязка «Дежурный по отряду». В кобуре – «тульский-токарев», а на петлицах – «пила». Брюки я умудрился разорвать, когда в дырку проваливался. Так что попал я крепко, выхода наверх нет. Сиди в подвале и жди, когда сдетонирует бомба и боеприпасы. В плен мне совсем не хочется, начитался. Интересно, почему дверь в склад закрыта?

Подъехали несколько машин, еще раздались команды, последовали рапорты, из которых я понял, что бой за заставу был тяжелым и у немцев большие потери на переправе через реку. Их выручили «штукасы». Им дали команду на погрузку, а какому-то обер-фельдфебелю поручили здесь все сжечь. Грузовики зашумели и уехали, а я понял, что сейчас предстоит стать «цыпленком табака», и выполз через проделанное отверстие в воронку от авиабомбы. Два «Zundapp», один водитель возле них, где остальные и сколько их – неизвестно. Я снял второй ботинок еще в подвале. Чуть в стороне довольно громко зашипело, видимо, из ранцевого огнемета что-то поджигают. Как назло, нога довольно сильно болит. Выручило то обстоятельство, что где-то в стороне еще кто-то живой остался и там вновь начался бой, под шумок я успел свалить водителя и проковылял в сторону от развалин. Но бой был коротким. Появилось трое немцев, которые несли четвертого. И в крайне удобном ракурсе! Бак их огнемета мне был отлично виден. У меня 15 патронов, трава и небольшое бревнышко в качестве упора. Удобно расположив рукоять на подставке, я дождался их небольшой остановки и первым же выстрелом поджег бак, второй достался пулеметчику, а два следующих – автоматчику. Хромая, добрался до мотоциклов, надо уносить ноги, уехавшие немцы могли вот-вот вернуться.

Один из мотоциклов был без коляски, второму я перерезал шланг и поджег его. Пулеметик мне не достался, он в огонь попал, да и хрен-то с ним. Ехал я недолго, потому, что местности я не знал. Доехал до опушки леса, там бросил «цундапп», не забыв опустошить обе сумки. На спине у меня болтался ранец водителя. Предстояло выяснить: где я нахожусь и что делать дальше. Через двести метров вышел к болоту. Примерно определился по сторонам света. В карманах у старшины даже компаса не было. Если встать на север, то справа слышен шум дороги. Вспомнил, что немцы говорили о реке Неман, через которую они переправлялись и на которой понесли существенные потери. Но конфигурацию границы тех времен я не помнил совсем. Местность сильно пересеченная, но есть проселок через лес, так что задерживаться здесь было совершенно невыгодно. К сожалению, нога не давала возможности быстро передвигаться. На юге шел бой, на севере – тоже. Выходить к «своим» совершенно не тянуло. Во-первых, я не в курсе, кто я и где я, кем был до этого, где служил и тому подобное. Во-вторых, ранения у меня нет, а то, что здорово прищемило ногу, не освобождает от ответственности, заживет и никаких следов не останется. Если это та самая Великая Отечественная, то через шесть дней немцами будет взят Минск. А это в 280 километрах от границы. С такой ногой мне туда не дотопать за это время. Местных уставов я не знаю, весь мой армейский опыт из другой, Советской армии. Я – ряженный. Проколюсь на первых же словах. Делать нечего, начал городить себе лапти-чуни из бересты, использовал немецкие портянки, найденные в «цундаппе». У старшины имелась иголка с ниткой, так что прихватил и разодранные штаны. Ногу «замочил» в небольшом ручье, съел пару галет из немецкого пайка. Зря патроны не прихватил со склада, но там темно было, и на глаза 7,62×25 не попадались. Так что осталось всего 11 патронов. Водитель был вооружен карабином, который мне бы только мешал, когда я драпал через кусты на этом чуде техники. Но патроны к карабину имелись. Бог с ним, при желании раздобыть еще успеем. Основные бои шли севернее и южнее тех мест, где я находился. Там гремела артиллерия, я пока не различаю, чья работает. В лесу душно, место здесь довольно влажное, а температура воздуха высокая. Часы показывают 11.45 московского времени. Главное, не забыть их заводить, эта привычка у меня начисто отсутствует.

Закончив сооружать чуни, двинулся на восток. Предстояло форсировать шоссе неподалеку, если такая возможность будет предоставлена. Пройдя километра три, я увидел и услышал шоссе. Там битком немецкая техника и пехота, движется в обоих направлениях. Танки идут на юго-запад, пехота на северо-восток. За шоссе – чистое поле с несколькими сгоревшими легкими танками. Севернее виден лес, с юга его нет. От греха подальше забрался обратно в гущу леса и потопал вслед за немецкой пехотой на северо-восток. Там дождусь ночи и попытаюсь перейти эту грунтовку. Лес густой, с хорошим подлеском, чуни позволяют идти практически бесшумно, но большую скорость мне и не развить. Плюс осматриваться и прислушиваться требуется, вспоминать свою былую первую армейскую специальность: разведчик-диверсант 1-го класса. Оказалось, не зря я это делал: на одной из полянок расположился пост жандармерии. Самих жандармов не было, стояла полевая кухня и несколько солдат руководили пленными красноармейцами, которые помогали немцам строить импровизированную столовую. Солдаты были без жетонов на груди. Возможно, что эту приблуду жандармы надевают только тогда, когда находятся на посту. Разбираться я не стал, обошел это место. Связываться с противником, имея всего одиннадцать выстрелов, было совершенно не интересно. Шоссе я перешел совершенно свободно в полукилометре от этой «столовой». В движении возникла какая-то пауза, скорее всего, связанная с обедом. Углубившись в лес, двинулся на юго-восток, там виден неплохой лес. Север меня не привлекал, я уже немного сориентировался на местности, по обрывкам разговоров как немцев, так и пленных красноармейцев: на севере – Литва, Друскеники, а это – Западная Белоруссия. Лес на этой стороне дороги был болотистый, но я не стал рисковать, памятуя о том, что рассказывал мне отец про его отступление из Кейдан. В селе, появившемся через несколько километров, хозяйничали немцы, и я повернул на юг, стремясь попасть в более или менее сухой лес. Обогнув село, попал наконец-то в приличный и довольно сухой лес, справа было большое болото. В километре от села обнаружил хутор из двух домов, но заходить не стал. Эти места еще недавно были Польшей. Это – Западная Белоруссия, и как хуторяне относятся к бойцам НКВД, я не знал, а рисковать не хотелось. Немного понаблюдав за хутором, пересек проселок и углубился в лес, где и сделал остановку. Впереди – железная дорога, ведет из Гродно в Вильнюс. Боев на этой территории не было, а с моей пукалкой много не набегаешься. Требуется более серьезное оружие. Его придется искать или захватывать. Небольшой остров среди болот стал моим временным убежищем. Утро вечера мудренее.

Увалился в небольшую ямку, предварительно нарвав травы, наломав веток. Они станут моим одеялом и матрасом. Очень хотелось курить, но это вредная привычка и придется от нее отказаться, по крайней мере до того, как найду способ и место, где этот табак можно будет найти. Спички у меня имелись, но либо старшина держал свой табачок в столе, либо был некурящим, как тот немец водитель, чей ранец я положил под голову. Впрочем, указательные пальцы старшины были прокурены. Интересно, где ж его документы? И почему я до его памяти достучаться не могу? Но вариант был абсолютно нулевой, в мозгах не сохранилось абсолютно ничего, все, что имею – мое собственное. Это – ужасно! Путь на восток для меня закрыт полностью и целиком. И надо отойти от этих мест подальше, неизвестно чем он занимался в отряде, ведь не просто так старшину назначают дежурным. Еще один вопрос, который меня волновал: что со мной произошло и где сейчас сын? Будем надеяться, что у него все в норме, «чемергеса» он не пил, с шаманом на исторические темы не спорил. Водить катер и машину умеет, доверенность есть. Судя по всему, все документы остались там, на озере, на Вуоксе. Довольно долго размышлял: что из имеющегося можно съесть сегодня, тем более что протопал довольно много, к середине дня нога начала понемногу двигаться, хотя и стала вся синяя на стопе. В открытой банке, с надписями на французском, оказалось семь сосисок в желе. Банка удобная, с завинчивающейся крышкой. Ограничил себя одной сосиской. Продуктов было совсем немного. И требуется достать что-то вроде мелкой сети, не дело по лесу в х/б бегать. Да и шинельку добыть стоит.

Проснулся рано, от звуков многочисленных моторов в небе. Немцы в массовом количестве летели бомбить наши войска. Кофейку бы! Но пришлось обойтись очередной сосиской. А потом руки в ноги и шариться вдоль дороги. Авось что-нибудь стоящее попадется. Но увы! Правда, искупаться пришлось, так как на одном из многочисленных озерец нашел искомое: сетку и рачевни. Насколько припоминаю, этот способ ловли был под запретом. Раков и карасиков я сложил в одну из рачевен, а сеть забрал не полностью, отрезал себе около трети. Гниловата она была, старая, с большими дырами. Плохо за ней ухаживали. Уха вышла на славу, благо что соль у немца была. Вторым приобретением был небольшой пакет бревен, явно сложенных под сушку на дрова. Топора и пилы не было, пришлось выстругивать клинья и колоть бревна ими, с помощью рычагов и «какой-то матери». Разложив огонь под густой елью, в первую очередь занялся гончарным делом, благо глина на берегу ручья имелась. Сплел корзинку, обмазал ее глиной, чуток подсушил и на огонь. Затем заделал трещинки, нанес тонкий слой жидкой глины, прямо по горячему, и снова в костер. Худо-бедно получилось, выкипал такой котелок быстро, приходилось постоянно доливать воду. Но, как меньшее из двух зол, вполне годился. Рыба на прутике еще получается, а рак – ни в какую. День прошел в хозяйственных хлопотах почти незаметно.

А утром на западе-юго-западе загрохотало, причем крепко. Насколько помню, это 11-й мехкорпус попытался перерезать северную «клешню» немцев и взять Сувалки, да опростоволосился, так как с воздуха он прикрыт не был. Грохотало целый день, а я наконец-то добыл карту: воздушный бой состоялся прямо над «моим» лесом. Три бомбардировщика и «ишачок» создали здесь площадку приземления. Я успел только снять планшет с тяжелораненого пилота-истребителя, и пришлось уходить в болото: почти сразу появились немцы и начали прочесывание. Они сразу показали мне уязвимость моей позиции, пришлось все бросить и откочевывать в менее приспособленную для проживания местность южнее. Появился еще один ствол: наган без кобуры. Парень был прошит несколькими пулями в воздухе со спины. Пневмоторакс, в общем, не жилец. Все навывлет, с огромными выходными отверстиями.

Отойдя на пять километров южнее, ближе к вечеру наткнулся на брошенную «эмку»-вездеход. Под кустами лежало обмундирование, сапоги, два ППД, пулемет ДТ, с 2,5-кратной оптикой, съемными сошками и четырьмя магазинами, четыре ТТ и маузер, даже в кожаном чехле, в «эмке» лежала снайперская АВС-36 с прицелом ПЕМ. Все это богатство было брошено. На петлицах одной из гимнастеров – три золотые звезды. Продовольствие они, естественно, с собой забрали. В машине было много чего, кроме топлива. Бензин у нее кончился, вот они и драпанули. С помощью ручной лебедки, топлива в машине не было, затолкал машину поглубже в кусты, разровнял следы, потому что весь скарб из нее забирал четырьмя ходками. Даже спальник мешок был, маскировочные комбинезоны и радиостанция. Заменял себе галифе. Место для «стоянки» я выбрал уже по карте. Двумя лопатами, топором и ножовкой разжился сразу, но прикопал их, положив под дерн, забрал на вторую ходку. В первую взял с собой только МСЛ. Снял с машины всю электрику, утащил даже аккумулятор, когда убедился, что он выпуска этого, 1941 года. В общем, спасибо запасливым шоферу и адъютантам трусливого командующего. Теперь я упакован по самое не хочу, кстати, покурить «Герцеговину Флор». Правда, ее подклеивать пришлось, сломанная была, вот ее и бросили. Все остальное из бытовых мелочей они забрали с собой. Зато кресало оставили, старинное и добротное. Спички заканчивались, а с дровами на небольшом островке среди болот было тускло более двух недель, пока не нашел в лесу яму, в которой уголь выжигали. Километрах в десяти от «моего» острова. Пришлось таскать уголь в трех армейских вещмешках и горючить, по образу и подобию, похожее сооружение. В остальное время занимался благоустройством жилища, разведкой местности и добывал соль. Последнее мероприятие было самым сложным. Места здесь болотистые, никаких солонцов здесь нет и быть не может. Единственное место, где эту драгоценность можно было добыть,

это – железная дорога. По карте рядом находились две станции: Рыбница и Друскеники. Рыбница – это просто разъезд и водокачка, а Друскеники это не одноименный город на границе, а довольно большая станция неподалеку от поселка Пожече, сейчас носит название Поречье. Местом моего обитания стало урочище Пиняки, со всех сторон окруженное болотами. Ближайшая от меня деревня носит название Каменистое. Деревушка маленькая, поля ей приходится делить еще с двумя такими же: Бушнево и Мостки. Бушнево чуть побольше, на четыре дома, а в Мостках есть дорога и сельпо. Вот только никаких денег у меня нет, поэтому стать официальным покупателем не могу, да и не знаю я там никого, и есть подозрение, что если местные меня обнаружат, то сдадут немцам. Пользоваться «местным» топливом, торфом, я не стал: много дыма дает и запах имеет специфический.

Первую вылазку в Рыбницу я предпринял сразу, как закончил переноску всего скарба от «эмки». Брать там нечего! Это даже не разъезд, это остановка, где паровоз может пополнить запас воды, и все. Станция Друскеники находилась внутри поселка Пожече, была даже Привокзальная площадь. Но фиг там чего достанешь. Пожече достаточно далеко от «дома», поэтому я не постеснялся зайти в колхоз Хомуты, который и на карте был обозначен как колхоз. Заходил я налегке, пулемет оставил в лесу. Поговорил с председателем, сказал, что нужна соль, пусть назовет цену, все, что он требует – принесу. Он дал килограммов восемь-десять крупной и грязной каменной соли, такую коровам дают, а следом за мной послал трех «полицаев», дурачок. Трех полупьяных чудаков, на букву «М», против пусть и бывшего, но чемпиона СССР по пулевой стрельбе. Они даже вскинуть винтари не успели. Пришлось вернуться и говорить посерьезнее, и на другом языке. Зеленые петлицы прятать на этот раз не стал. В общем, он доложил, при мне, в Пожече, что его полицейские убиты в бою с большой группой окруженцев, которые ушли через шоссе за Веровское озеро, на восток. Ну, а я ушел на запад. «Свой» снабженец у меня появился, ибо жить все хотят, до бога далеко, полицаи тоже далече, а пулю ни один лоб не держит. Мне все равно, как он относится к советской власти, хотя «председателем» он стал при ней, «ясык» более сильному будет платить, и это обеспечит ему существование. Это довольно древний закон, который «председатель» хорошо знал. Все равно будет собирать его для немцев, ну, а часть мне отстегивать. У меня «крыша» круче. Неприятный случай, который еще больше насторожил меня по отношению к местным жителям. Доверять здесь было некому, хотя бы потому, что никого из местных я не знал. И никакая физиогномика этому делу не поможет. Хорошо, что лес был «панским» много лет, панов не стало, а новых «владельцев» еще не появилось в достаточном количестве, им пока захваченного на складах РККА хватало, да города грабили. До населения дойдет немного позже, что власть переменялась на значительно худшую. Пока все в недоумении, что немцы продвинулись так глубоко и быстро, несмотря на упорные бои. 29 июня стало известно, что город Гродно переименован в Гартен, а Гродненский район поделен между Восточной Пруссией и генеральным округом Литва. Западная Белоруссия стала Особым округом Восточной Пруссии «Белосток». Еще 28 июня я наконец-то узнал свое новое имя: Сергей, это радовало, так как мы, оказывается, полные тезки, а вот фамилия другая – Соколов, служил мой тезка в школе младшего командного состава Белорусского пограничного округа, которой командовал майор Борис Зиновьев. Через болото отходила группа бойцов 86-го Августовского погранотряда: шестеро пограничников и младший сержант Овчинников. Выходили они практически прямо на меня, в 50 метрах севернее, а я кабанчика коптил. Этой тропой кабаны ходят через болото, а там, где кабан прошел, там погранец точно пройдет. Землянка моя была в стороне от этого места, она еще не достроена. Одному делать ее довольно тяжело. Овчинников и «узнал» меня, он учился в той школе. Пришлось показывать ему ногу и говорить о сильной контузии. Летний лагерь школы находился на правом берегу Немана в Гродненской пуще, где личный состав школы и принял свой последний бой. Остаться их группа не захотела, а полученной информации явно не хватало

для легенды. Ночь провели у меня и ушли, но Овчинникову я передал частоту и кодовую книгу для связи со мной. «Северок» у меня, точнее, его предшественник «Омега», был, так что, если дойдут до своих, то будем ждать связи примерно через месяц.

На следующий день после их отхода, на этой же тропе, я обнаружил группу пехоты. Погода стояла тихая, вечер, легкий ветерок донес разговор на непонятном языке. Я сбегал за пулеметом и снайперской винтовкой. Пехотинцы все вооружены, два ДП, один «маузер», а у остальных – СВТ-40. Так что по вооружению – наши. Ячейка у меня готовая, пулеметная, «V»-образная. Решил дожидаться, когда выйдут из болота, тем более что русские команды иногда слышались.

– Стой, кто идет!

– Свои! 15-я застава, 107-й погранотряд, отходим от Вижайн. С нами бойцы 741-го стрелкового полка.

– Старший – ко мне, остальные – на месте.

– Есть. Сесть разрешите?

– Нет! Всем стоять!

Подошел сержант-пограничник.

– Товарищ старшина! Свои мы, свои! – Петлиц под маскхалатом и «лешаком» не видно, так что тоже – знакомый.

– Пусть подходят.

Семеро пехотинцев были литовцами из 2-го батальона 741-го полка, подошедшего по Директиве № 3 на оказание помощи 107-му отряду ПВ Белорусского пограничного округа. Отряд, все его заставы, кроме одной, был уничтожен и рассеян в первый же день. Восьмая застава, точнее, один ее дот, держалась трое суток. Оба пограничника имеют ранения, трое из литовцев – тоже. Благо что медикаментов в той «эмке» было много, так что помощь сумел оказать. В общем, отряд увеличился на 6 человек, один из пограничников, тот самый сержант Иванов, пошел на восток вместе с двумя бойцами. А второй был очень плох, требовался антибиотик, но его не было, пришлось давать сульфаниламид и присыпать им рану. Он у них стрептоцидом называется.

А через еще три дня появился «парламентер», из местных, из Стриевки.

– Ідзіце адсюль.

– Тебя не спросили!

– Немцаў прывядзем.

– Так, замечательно! А теперь говори: кто сказал, что мы здесь? Давмонт! Поймал?

– О каір гі, товаришчы старшине! Цкандимц, кусается, маžas asilelis!¹

«Парламентера» сопровождали двое пацанят. Я, как только ребята немного отдохнули, сразу организовал дозоры на всех трех тропках, ведущих на остров. Так что, то, что будут гости, и сколько их, мы отлично знали. Обнаружили нас именно мальчишки, взрослые в лес практически не ходят в это время, делать им в лесу особо нечего. Положение у «парламентера» сильно изменилось, он-то надеялся отвести беду от сродственников из Бушнева, дядькой он числился этим двум засранцам. Отец их в армию ушел, сами мальчишки рвутся помогать, а этот «замшелый пень» решил действовать так, как велит гауляйтер Восточной Пруссии.

– Ідзіце, даганяйце Чырвоную армію.

– Раненые у меня, пока не выходим, никуда не уйдем, даже не надейся. Приведешь немцев – жить не будешь, ни ты, ни твоя родня. За мной не заржавеет, это война, мил человек, а не игрушки. Все понял? И молчи про нас. А в сентябре сам прибежишь, когда урожаем снимете, а немцы его выгребут, подчистую. Вот тогда и обещаю, что урожай вернется.

¹ А как же, товарищ старшина! Кусается, маленький засранец!

– Мусіць, Цімоха даведаўшыся. Язык ў хлапчукоў доўгі².

– А кто такой и где живет?

И мужичок сдал местного начальника полиции с потрохами: кто, где, куда ходит, где горилку глушит.

– Вот за это, мил человек, спасибо. Побеседуем днями с Тимошей. – Уголовник, выпущенный из тюрьмы немцами, занял дом своего брата, которого выгнал на улицу вместе с семьей. Посчитался за старые обиды при новой власти.

Встал вопрос о немецкой форме. Я уже довольно крепко взялся за обучение личного состава, с тем, чтобы поднять до нужного уровня их подготовку. В этом мне крепко помогал Мешка Ведринскас, самый старший из этой пятерки, токарь по специальности, служил в Войске Литовском уже пять лет, был капралом, затем сержантом РККА. Форма у всех у них литовская, только нашивки наши. Один из них был вооружен трофейным «Маузером-98», у остальных – новенькие «токаревки», в этом году только получили. Так как меня им представили как преподавателя школы младшего комсостава по боевой подготовке, то мои навороты, привнесенные из другого времени, им странными не казались. Учились дружно и качественно, ведь у них была цель: выжить и победить в этой войне. А то, что далеко отходить от родных мест не пожелали? Так это их дом, они только вступили в эту семью народов, и для них казалось более важным защитить именно свою землю. Отсюда до новой границы Литвы – рукой подать.

2 июля группа в составе трех человек, к ночи, выдвинулась к деревне Борки, на высоту 158. Туда, «по сведениям нашей разведки», тех самых пацанят и налаженной ими «голубиной почты», с вечера выехал местный полицай Тимоха с двумя товарищами по службе. У него там полюбовница, если по-белорусски, живет. А где лямур, там самогон. По-другому не бывает, ибо нет некрасивых женщин, но бывает мало водки. Так что служба налаживается, имеем кой-какие связи с местным населением. Этому здорово способствовал приказ гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха о продовольственном налоге с каждого двора: 5,4 центнера с гектара, 350 литров молока с коровы и тому подобное. Плюс трудовая повинность, что скажут, то и делать. В общем, немцы с ходу затащили удила и порекомендовали подтянуть подпругу до хребта. А это крестьянской душе как серпом по одному месту.

В общем, лежим, обзираем окрестности через два оптических прицела. На хуторе крутая пьянка, тетка и две девчонки помоложе только и бегают туда-сюда от летней кухни в дом. Плохо другое: хутор у самой дороги, и, кроме полицая, стоит «кубельваген», к тому же с пулеметом и валяющимся в нем водителем. А это еще от двух до четырех человек. Я уже хотел было дожидаться выхода «целей» на крыльцо, здесь всего 650 метров, и положить их всех из АВС, когда у нас появились «зрители». Наша «разведка» прибежала за 6 километров «позырить», как «наши полицаяев бьют». Любопытно же! Тихонько отругав и дав затрещины, послал их обратно. Мешка и Давмонт уже на местах, предстояла «звездная атака», которую мы в поте лица отрабатывали все эти дни, и ближний бой. Зрители ведь никуда не ушли, а только сменили место дислокации и наблюдают. Вскакиваю и бегу, считая до десяти, падаю и перемещаюсь в сторону, продолжаю счет, два раза по десять, и вперед. Рубеж атаки – забор хутора. Наблюдателей мы не обнаружили, только спящих туда-сюда женщин. Первым до хутора добрался Мешка, медведь по-литовски. Он, и вправду медведеподобный, а уж в самопальном «лешаке» вообще на кикимору похож. Ему пришлось одну из дочек хозяйки слегка о бревенчатую стенку дома головой прислонить, чтобы не завизжала. Она гальян за овинном решила не вовремя посетить, в тот момент, когда он выскочил из-за него к дому. Я атаковал немца у пулемета. Он же «подарил» нам успех атаки. С ним пришлось поступить очень грубо, черканув ему НР-40 от уха до уха. И перехватывать его руку, в которой была русская противотанковая граната РПГ-40, которую он взвести не успел, он только начал поднимать голову с сиденья, когда я с

² Тимоха может дознаться. Язык у мальчишек длинный.

ним сблизился вплотную. Дергаю за красную ленту, вытаскивая чеку, и через открытое окно вношу «от нашего стола – вашему» эту грозную «бутылку» прямо на стол с самогонкой, и прыгаю ближе к стене дома перекатом. Оба пистолета в руки и вперед, двери сами распахнулись, крыша подскочила и съехала на ту сторону дома. В прихожей, уронив казанок на пол и зажав уши, стояла хозяйка бывшего дома, отбросил ее в сторону и через зимнюю кухню заглянул в комнату. Пятеро «холодненьких», один из которых – офицер СС. Забрали его офицерскую сумку, собрали оружие. А когда подняли крышку багажника «кюбельвагена», у нормальных машин это место называется капотом, первый, точнее, второй вариант знаменитого на весь мир «Жука», то решили разгрузить его в другом месте. Все втроем не унести, а бросить жалко. К тому же он полноприводным был. Быстренько погрузились и рванули на проселок, где я «эмку» потрошил. Оставив справа высоту 158, выскочили на дорогу и газу. Во Дворцах направо, и в наш лес. Оттуда к подножию высоты 137, там разгрузились, и я отогнал машину к болоту у Богушовки, где ее и благополучно утопил. Отсюда уходить придется. Больше спокойной жизни не предвидится. Давмонт, который свободно говорил и читал по-немецки, выяснил, что грохнули мы командира «айнзацкоманды-7а» оберштурмфюрера СС Отто Зитца. Экспресс-допрос не пострадавшей девицы показал, что речь на пьянке шла о создании гетто в Езерах, так что войска у немцев на товсь, и нам этого не простят. Хозяйка, очухавшись, голосила, что делала все это, чтобы девок ее не испортили. Я ей посоветовал все бросить и сваливать отсюда куда глаза глядят, вместе с девицами. Забросив всё «нажитое непосильным трудом» в заранее подготовленный бункер и заминировав его противотанковой гранатой, начали экстренные сборы. Я в это время подготовил три ловушки на гатях, которые ведут на остров. Пусть покупаются гости дорогие. Это полезно. И мы отошли, по очереди неся носилки с Иваном Орловым, который только-только пошел на поправку.

Выбранное место находилось в 12 километрах от этого, это был небольшой островок посреди топкого болота. Плохо было то, что проходимое место было только одно, придется гати городить. Но я вспомнил, что гать можно сделать легкой и съёмной, типа забора, чем мы и занимались после перехода на новое место. Вторым отвратительным свойством нового лагеря были подземные воды, они были близко, и полноценную землянку соорудить не удалось. Выручила найденная сбита «пешка». Ее аварийный масляный насос и шланги от противогазов, пять штук их имелось, а еще довольно много мы насобирали на большом поле севернее нового лагеря, дали возможность быстро откачивать грунтовые воды из ямки в середине землянки. Но для зимнего проживания землянка не годилась. Там же разжились снарядами 45 мм из горелых танков и шестью неразорвавшимися 50-килограммовками. Нашли несколько коробок со взрывателями УЗРГ к ручным гранатам, два ротных миномета, к сожалению, без прицелов: труба, опора и тренога. Мин к ним не было, трофейщики собрали.

Плохо было то, что ближайшее жилье находилось всего в трех с половиной километрах от этого места и это были богатые хутора, где разговаривали по-польски и на идише. Выручило наличие в запасах «кюбельвагена» глушителя для единственного «маузера». Так что проблеме с охотой удалось более или менее снять. Плюс стал немного ближе «поставщик двора его императорского величества» председатель колхоза Хомуты Силантий Хомутовский. Немцы, кстати, колхозы не разгоняли и препятствовали, официально запретили, выходу из них с выделением посевных площадей. Даже в доску «своим» полицаям землю выделяли только для похорон на кладбищах или в ямах. Когда закончили сооружать лагерь и съёмные гати, то выяснилось, что с точки зрения мобильности и скрытности передвижения новое место было даже удобнее, чем предыдущее. Единственное, что меня беспокоило, что противник мог так же скрытно и быстро развернуться на севере, и нанести артиллерийско-минометный удар по лагерю.

Острый дефицит патронов к снайперской винтовке, пулемету и «токаревкам» подбил меня посетить развалины летнего лагеря школы. Та 50-килограммовка сработала, отбросила крышу в сторону, боеприпасы пришлось выкапывать, но разжились ими отлично, и минами,

как к минометам, так и противотанковыми, и осколочными, и патронами, нашли прицелы к ротным минометам, взрыватели, детонирующий и огнепроводный шнур, подрывные машинки, телефонный провод, тяжелый пулемет, который, правда, пришлось долго «лечить» от коррозии. Большую часть боеприпасов перепрятали на месте, но ходили туда больше двух недель, несколько раз и ночевали поблизости. Вскрыв сейф, ключи от которого были у меня в кармане, нашел свое личное дело и сумел скрытно от бойцов его изучить. Специально отправил их в отряд за помощью, а сам остался в лагере. Документацию, как и предписано, все содержимое сейфа, уничтожил, забрав только свое дело. Там же находилось удостоверение оперуполномоченного отдела НКГБ на мое имя по Белостокской области. Растем в собственных глазах, да и не только. Имея такую ксиву на руках, можно и к соседям заглянуть. Не к тем, что говорят по-польски. За это время приросли еще тремя пограничниками: они жили в лесу неподалеку от лагеря. У одного раны уже зажили, а двое лежачих. Одному, кажется, я помочь не смогу.

– В Переломах фершал живет, товарищ старшина. Вы ж его знаете, Косовский, вы же дружили.

– Да-да, живет. Но к нему мы не пойдем, я «дружил» с ним потому, что он – сотник ZWZ. Это было моим заданием. – Я об этом в личном деле прочел, там мне была объявлена благодарность за раскрытие ячейки польского сопротивления. Плюс ZWZ активно поддерживала уничтожение гитлеровцами евреев, помогало им в этом отношении, а, насколько я помню, основными местными партизанами в этих местах были русские, белорусы и евреи. Поляки старались уйти либо в Армию Крайову, либо в Армию Людову. Русских они, особенно поначалу, не жаловали. Так что, если к нему и заходить, то с целью несколько пополнить комплектацию медикаментами. Взяв с собой троих, включая выздоровевшего пограничника, нанесли ночной визит пану Косовскому. Визит ему не сильно понравился, тем более что мы прихватили его не одного, а с парой жолнержов, да еще и один из них был в немалых чинах, судя по выправке и знанию русского языка. Политпросвет начался с того, что всех троих быстро припечатали мордой в земляные полы дома. Первого взяли еще на улице у крыльца, а этих двух у радиостанции.

– Вот же вояки! Лентяи вы, а не агенты. Кто тебя учил работать ключом из дома? В гестапо захотел, Анджей? Или на него и работаешь?

– Я отвечать на твои вопросы не буду. Немцы вам показали, кто хозяин в Европе.

– Ты работаешь на хозяина? Тогда разговора не получится. – И я взвел маузер.

– Нет, на немцев я не работаю.

– Тогда рекомендую унести как можно дальше радиостанцию от дома и из одного места не работать. Айнзацкоманды уже появились в области, командира одной мы грохнули, но это просто исполнитель, его уже заменили. До Гродно – 23 километра, до Сувалок – 60. Тебя уже запеленговали и пасут.

– Что такое запеленговали?

– От, блин, неучи! С помощью направленной антенны определили направление на источник излучения, на твою антенну, из нескольких точек. После этого навестят тебя и сделают предложение, от которого ты отказаться не сможешь. В общем так, мне лекарства нужны, у меня раненые умирают. Нужен пенициллин. Если есть – гони на бочку, перевязочные материалы, стрептоцид, йод, мазь Вишневского. И уноси станцию, ну, заодно и ноги. Вполне вероятно, что материалы НКВД в Гродно находятся в руках немцев, а ты там фигурируешь, тебя в понедельник брать должны были, 23 июня.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Чтоб знал, с кем дружить. Ну, а будешь дружить с немцами – не взыщи. Тебя это тоже касается, дружок. Все поняли? Стрептоцид есть?

– Есть. Отпусти меня. Вот! – он открыл шкафчик, откуда мы выгребли имеющиеся медикаменты.

– Оружие за углом оставим, Анджей. Бывай!

И мы вышли из дома. У Загорников появился свет фар, так что мы вовремя, а успеют или нет поляки, нас особо не интересовало. Лес тут рядом. Судя по тому, что немцы попытались заблокировать район, поляков они взять не успели. Мы же, налегке, пересекли шоссе у Польницы, на юге, и через четыре часа я дал стрептоцид двум практически безнадежным раненым. Вовремя дал, не выжили бы.

За это время вернулась разведка из-под Узбережи. Там большая пуща, отличный густой лес, и группа обнаружила несколько землянок в нем, к которым тропы и дороги не ведут. Сделаны недавно, скорее всего, в мае-июне месяце. Есть растяжки, снимать которые я бойцов учил, но оробели они немного, познакомившись непосредственно на месте с этим творением рук человеческих. Идти довольно далеко, 16 километров. Пересекать три дороги, но в лесу. Дождались, на второй день, снижения температуры у «безнадег» и двинулись создавать третью базу. Перешли шоссе севернее Поречье, затем железную дорогу и форсировали реку, вторую железку и вышли к тому месту, о котором говорили разведчики. Ну, скажем прямо, повезло им крупно, база была заминирована на совесть, детшнуры соединяли все мины, часть из которых была поставлена на неизвлекаемость. Но схема наша, советская, мы такую в Гайжюнае изучали. Двое суток я разыскивал меточку, которую обязательно ставят на тот случай, если понадобится это поле разоружить. Нашел, и после этого за два часа дезактивировал постановку даже без миноискателя. Впрочем, часть мин находилась в деревянных корпусах, так что, кроме щупа, их ничем не взять было. Закладка – советская. Довольно много продовольствия, оружия, даже 76-мм горная пушка есть и «сорокапятка». Батарея минометов, их у нас уже шесть штук. Остро встал вопрос о количестве подчиненных, и, как только разместились, нанесли визит соседям. Лесником был поляк, но член КП(б)ЗБ, он и «присматривал» за закладкой. Тут и пригодилось то самое удостоверение. Его сынишка с семьей жил неподалеку. И единственное село, Узбярэж, около сорока домов, колхоз и очень напряженное состояние жителей, когда они увидели бойцов в литовской форме. Оказалось, что эта местность передана в округ Литва. В трех километрах отсюда литовское богатое село Кобели, где хозяйничают литовские «стрелки» из Lietuvos šaulių sąjunga. С немцами они отлично ладят и считаются вспомогательным подразделением вермахта. Уже пару раз бывали, обещали еще наведаться и выселить всех евреев. А еврейские выселки – ближайшее поселение к ним, самые восточные строения.

После возвращения из села в лагере закипела работа. Пластмассы у нас не было, жести тоже, но была глина, а чугунную рубашку запоротого двигателя от трактора, которую не успели сдать на ремонт или металлолом, разносили кувалдами на мелкие кусочки. Я же с двумя помощниками изготовил корпуса из обожженной глины для двух МОН-200, двух «соток» и шести «90». Труднее всего было изготовить последние. Сразу после изготовления отправили в Кобели в разведку двух «наших» литовцев, а сами оседлали дорогу, по которой могут выдвинуться каратели. Выбрали качественное место и развесили на деревьях и расставили по краям дороги наши «изделия». Разведка вернулась быстро: в селе шесть грузовиков и один «кубельваген», со значками СС на бортах. Заночевали у засады. Прошел еще один день, но стрельбу услышали в другом месте: в Шклярах, на другой стороне железной дороги. Только еще через сутки раздался гул моторов на той дороге, где мы создали управляемое минное поле. Пропустив «кубельваген», я провернул подрывную машинку. Электровзрывателей было мало, использовал только два, остальные мины подрывались детшнуром, которого у нас было много, особенно после снятия минного поля в лагере. Две «девятиности» автоматически не сработали, ребятам пришлось запускать их «удочками». Эсэсовцам в «кубельвагене» повезло: только двое попали к нам живыми, к сожалению, унтер и солдат, оба офицера получили чугун в голову, МОН-200 оказались несколько мощнее, чем я думал, осколки выстелили дорогу гораздо больше, чем на двести метров. Самопал же! Оба живых эсэсовца были ранены, но мы их все равно повесили перед сельсоветом в Узбярэже. Долго они не висели, местные их быст-

ренько прикопали в лесу. А хвост колонны, после зачистки и сбора трофеев, мы вновь замирировали, в том числе саму дорогу противотанковыми минами в деревянных ящиках, обрезав все сообщение с «кобелями». Здоровых полностью бойцов у меня только восемь человек, бой с ротой литовских стрелков был явно противопоставлен, но показательная порка карателей была необходимостью, чтобы люди в нас поверили, приправленная соответствующей пропагандой и известиями о том, что 486 человек в Шклярах были загнаны в сенохранилище и расстреляны, и сожжены. Женщины, мужчины и дети строго одной национальности, плюс все коммунисты и несколько комсомольцев села, никакого отношения к евреям не имеющие, и никакого сопротивления противнику не оказывающие.

Отряд начал расти в тот же день, влилось сначала двадцать призывников. А на следующий день, когда в селе стало известно, что прибывшее подкрепление к противнику тоже получило по рогам и убралось, даже не забрав своих убитых, обратились вначале с просьбой всех похоронить, а затем, после этого, еще сорок человек попросились в отряд. Да, они не шибко обученные, их требуется готовить, натаскивать на новые специальности, а вот агитировать их уже не требуется. Кстати, и «стрелки», у которых сменилось командование, прислали парламентаря, что они признают свою ошибку, и более соседей беспокоить не будут. Более того, предупредят, если немцы будут настаивать на проведении войсковой операции. Верить им не приходилось, поэтому мы продолжали создавать в лесу напротив Кобелей противопехотные заграждения и ловушки. Дело было в том, что справа и слева от Узбярэже – непроходимые летом болота, а дорога от Салатье – хорошо просматривается, но ведет в никуда, там моста не стало, а берега заболоченные. Железная дорога имеет высокую насыпь, и создает как бы стену для любой техники. У озера Чижовка стоит дом свояка нашего лесничего, а у них обоих – телефоны, прямые, которые им скрытно провели чекисты. Такой же кабель идет и в отряд. Так что все тут достаточно продумано, а Егор Кузьмич, сразу как был разбит противник под Узбярэжами, направил нашу разведку со своим сыном к еще одной базе у реки Котра, где находился основной склад боепитания и такой же подготовленный лагерь. Так что главное сейчас заключается в количестве боеготовых бойцов. Их надо каким-то образом добывать. На мои радиопозывные пока никто не отвечает, радио используется только для получения сводок СовИнформБюро, но новости там такие, что даже их приходится скрывать от бойцов. Что-то обещал предпринять по своим линиям Кузьмич. Пленных немцы держат за Неманом и под Минском. Здесь, кроме гетто, ничего не строят.

Зато со вспомогательными подразделениями все складывалось просто отлично: партизанский отряд – это, в первую очередь, подсобное хозяйство, ведь централизованного снабжения здесь не предусмотрено. На эти работы в армии идут неохотно, за ними приходится следить и самому командиру, и старшинам. Здесь же люди с охотой брались за это дело, понимая, что работают на общее дело. От них зависит боеспособность людей. А у большинства присутствующих это – основная специальность, и учить этому не требуется. Колхоз передал своим людям в лес и скотинку, и инструменты, кое-какие стройматериалы и тягловую силу, благо что конеферма у него тоже имелась. МТС в этих местах только-только начали создавать, основной рабочей скотинкой была лошадь. Нашлись умельцы и упряжь делать, и кожу дубить, и ремонт-пошив обуви и одежды организовали. А так как все друг друга знают, то загрузили этими вопросами всех местных умельцев. Из Лиды наши «снабженцы» добыли хаки и камуфляж для маскировочных комбинезонов. По первым образцам, которые мы соорудили с литовцами, распотрошив стандартные маскхалаты, найденные мной в генеральской «эмке», наладили пошив «лешаков», рюкзаков, разгрузок. Местный еврей-сапожник начал выпуск «ичигов», сапог на мягкой подошве, подарке безвестного генерала, здорово меня выручивших в момент, когда ходил практически босиком с распухшей ногой. Такие сапоги позволяют в лесу ходить бесшумно. Заранее начали собирать лыжи и готовить крепления для них. Озаботились и ватни-

ками, и теплыми спальными мешками для бойцов. Так как в отряде были все из одного села, то военный коммунизм построили мгновенно, никаких «500 дней» не понадобилось. Ну, а тех, кто не хотел помогать отряду, брали на заметку и подвергали обструкции. Сельчане это здорово умеют делать. После этого – хоть отселяйся. Привыкшие жить за счет собственного хозяйства, люди не испытывали неудобств от такой жизни. Собственно, для них это было примерно одинаково: что жить в лесу, что в собственном доме. С единственной разницей: нары вместо кровати. Но и этот вопрос удалось решить за счет пионерского лагеря на озере Белом. Понятно, что в этом году из Гродно сюда никого не привезли после первой смены. Навестили сторожа и коменданта, и, в обмен на подписанное мной воинское требование, в пользу отряда они передали все постельное белье и кровати со спинками, позволяющими создать даже двух- и трехъярусные спальные места. Там же разжились рюкзаками, котелками армейского образца, фляжками, двумя полевыми кухнями, большими кастрюлями, бочками, радиоаппаратурой, паяльниками, припоями, различными инструментами, тем, что использовали пионеры для кружков по моделированию, и тому подобного. Главным приобретением стал «радиокласс» с большим количеством наборов для создания простейших приемников и передатчиков. Я обнаружил в этих наборах простейшие диоды Шостки, предтечу современных полупроводниковых приборов, откуда есть пошла вся радиоэлектроника. С помощью этого «класса» радиофицировали наряды и секреты, правда, в одностороннем порядке, но я еще поломаю голову, как создать усилители на основе этих кристаллических детекторов. Основа – есть, остальное – приложится. Сдав нам имущество, завхоз и два сторожа лагеря, хоть и были городскими, из Гродно и Минска, попросились в отряд. Завхоз был даже с боевым опытом, воевал на финской, а оба сторожа служили в РККА в Гражданскую. В годах, но военный опыт не пропьешь. Старослужащих насчитывалось уже 50 человек, так что костяк у отряда есть, хотя их требовалось переучить: в армии не учат действовать в тылу врага. А еще мне требовался толковый артиллерист. Орудия и минометы были, а вот ни одного артиллериста не было, не считая меня самого, но разорваться на несколько частей я не мог, хотя и уделял артбатарею должное внимание. Этим вопросом я озадачил Кузьмича, который в середине июля привел в отряд бывшего штабс-капитана царской армии Юрия Ивановича Алексеева, который вначале стал командиром батареи, а затем вырос до начальника штаба отряда. С немцами он воевал еще в ту войну. Некоторое время служил в Красной Гвардии, но, после оккупации этих мест Польшей, осел на земле. У него довольно большое хозяйство в Привалках, но немцы выкатили ему такие налоги, что он ушел из хутора к дочери, а оттуда в отряд. Первой операцией, которую он спланировал, стал перегон в отряд всей своей живности, и он обеспечил нас картофелем. У него под ним было 250 гектаров земли, имелись четыре трактора, колесных, американских, и все это в 9 километрах от нашей второй базы. Мы ему, конечно, помогли с эвакуацией его имущества, а затем еще и всю картошку собрали всем отрядом. Рейху ни одной картофелинки не досталось. Часть его ушло на разного рода взятки, часть на оплату труда в организованном им товариществе. Так он замаскировал свое хозяйство уже в БССР. Урожай мы складировали в местах, куда гитлеровцы попасть не могли. В артиллерийском плане он малость приотстал от жизни, новые буссоли и артиллерийские прицелы он не знал, но нескольких уроков ему хватило, опыта у него гораздо больше, чем у меня, я занимался в основном корректировкой огня, а не его расчетами. Знал, как это делается, но это было так давно... Благодаря Юрию Ивановичу и его тракторам смогли завести и доставить в отряд брошенный в лесу на переправе у Хомутовки, застрявший в реке Т-34. Для этого, правда, пришлось разоружить и частично расстрелять полицейскую управу в Глушнево, так как другого пути доставить его в отряд не было. Несколько человек из этой управы оказались несговорчивыми и отказывались закрыть глаза на то, что танк пройдет по плотине Соломянского водохранилища. Пришлось самим закрывать им эти самые глаза. Взяли ночью, в ножи, тихо и без стрельбы. Танк требовался для того,

чтобы окончательно решить вопрос с обороной против Кобелей. Да и глушневские лишними не будут. Соседи, как-никак. В общем, ценного специалиста приобрели.

Полицейская управа у южных соседей пополнилась нашими людьми, и мы стали полновластными «хозяевами» местных угодий. Выручало и то обстоятельство, что «немецкая граница ответственности» была в этих местах здорово размыта пока. Один округ Пруссии считал, что это происходит в другом округе, так как эта часть района была передана округу Литва, куда вела единственная дорога, которую мы перекрыли. Мосты на Соломянке были разрушены, а насыпь железной дороги не давала немцам с севера пройти южнее. «Гродненских немцев» мы пока не беспокоили, ну, убили одного командира их айнзацкоманды на пьянке. Они провели карательную операцию, в ходе которой, для устрашения, расстреляли восемь человек из состава полиции, бывших уголовников, которых привел в Стриевку ныне покойный Тимоха. Айнзацкоманды набирались из состава немецкой полиции, они «приблатненных» на дух не переносили. И никого из гродненской тюрьмы они не выпускали, воспользовавшись суматохой и боем, уголовники сами оттуда утекли, может, и помог кто? Кто его знает? Так как бургомистр, фольксдойче, пожаловался эсэсовцам на постоянные пьянки и дебоши полицейских, с частой стрельбой, грабежами и насилиями, их и признали виновными во взрыве гранаты. Тело водителя, с перерезанным горлом, никто не нашел, оно в болоте утонуло вместе с «кубельвагеном». А тряпичное гранатное кольцо я в комнату принес и надел на палец Тимохи. «Несчастный» случай, неосторожное обращение с оружием. Гать, по которой ходили наши помощники, я просто разобрал, подсунув бревна под настил с нашей стороны. Никаких мин я там не устанавливал, так как пацанята запросто могли сунуться проверить лагерь, и подорвались бы.

Так что на юге было пока тихо, если это так можно назвать. Нет. Они здорово взялись за район Волковыска и округу вокруг Гродно. Чистили все и вся, но силенок у меня было откровенно мало. Принять последний и решительный я мог, если бы меня прижали, но в конце июня я предпочитал в бои не ввязываться и от противника ускользать. Ни людей, ни толком боеприпасов не было. Все это пришло позже, когда новые бойцы прошли школу молодого бойца, а старослужащие восстановили свои навыки и приобрели новые, и когда сформировали первую роту и разведзвод, вот тогда мы и провели операцию в Глушнево. Убрали всего четырех отморозков, этого оказалось достаточно, чтобы начать комплектацию второй и третьей роты. Люди здесь в военкоматы просто не успели. Речь Молотова они слушали тогда, когда немецкие танки были уже восточнее этих мест. Желающих воевать хватало, не было организующей силы, не хватало вооружения и обмундирования. Ведь даже на организованных закладах никто не появился. Немцы прошли южнее и севернее этих мест, окруженцы спешили на восток, а беженцы, попав под обстрелы и бомбежки с воздуха, поворачивали обратно, надеясь, что обойдется, и Красная армия, могучим ударом, их освободит в ближайшую неделю. О том, что это произойдет через три года, знал в этих местах только я. Но толку от этих знаний?

17 июля в Гродно была успешно осуществлена первая диверсия. На одноколейный путь одновременно с двух сторон, днем, путем принудительного переключения семафора, навстречу поезду с немецкими ранеными был направлен поезд с боеприпасами и личным составом для группы армий «Север». Минус два паровоза и 18 вагонов. Диверсию осуществляла подпольная группа станции Гродно, но никто из железнодорожников не пострадал: искали мифического электрика, подключившего за три дня до этого, по выписанному немецким инженером наряду, какой-то провод на восьмом по счету столбе от семафора. Провод он подключил просто великолепно, оставив его высоко на столбе, но прикрепив к нему химический контактор, который через три дня перемкнул его и зажег зеленый свет точно в необходимое время. Лампу на фонаре, по наряду, он заменил, о чем свидетельствовала подпись инженера на наряде. Больше этого «электрика» никто не видел. Немца даже не наказали. Бригадир электриков был тоже немец, а вот состав бригады у него менялся часто в течение двух недель. Этим и занимался

руководитель группы Николай Богатырев. Немца приучили к тому, что люди у него меняются каждый день.

Мы тоже готовились внести свою лепту в это благородное дело: доставить максимум удовольствия противнику, заблокировав грузовые перевозки. Дело было за малым: требовалось собрать и испытать радиовзрыватель. Плюс сделать быстросборную мотодрезину, на основе имеющихся на опустевшей коровьей ферме дрезин для перевозки кормов. Впрочем, с них сняли только чугунные колеса с подшипниками. Раму сделали из угольников в кузне. Так как все двигатели были на строжайшем учете и каждый из них выполнял свою работу, то решили обойтись халявой в виде авиационных ракет РС-132, добытых в брошенной автоколонне у деревни Голейцы. Там же, с трех брошенных неисправных «чаек», были сняты ЭСБР-3п(р) и направляющие для ракет РО-132, вместе с аккумуляторами (несколько человек из «крайнего» набора служили в авиации вооруженцами, имели представление: как и что снимать, а воентехник Дедович служил на полигоне «Арсенала» в Ленинграде, где создавались и испытывались эти ракеты, он и предложил эту схему). Несколько дней готовились и записывали расписание движения поездов. Я же занимался только радиовзрывателем.

Нашли дырочку, обеденную, когда никто по дороге не ездит. В то время немцы еще не озаботились охраной железной дороги, и массовую вырубку лесов вдоль дороги начали позже, когда понесли серьезные потери в подвижном составе и в рельсовом хозяйстве. Здесь же бойцы поставили на рельсы колеса, уложили на них раму с ракетными орудиями (установка для пуска ракет), навесили ракеты, положили подготовленные 50-килограммовки немецкие и немецкую же радиостанцию, присоединили к РО провода от ЭСБР-3п(р), спокойно растолкали дрезину, а техник Дедович повернул ключ на залп и нажал на кнопку запуска. Хорошо еще, что ограничились всего четырьмя ракетами, иначе бы наша установка взлетела. Я ее увидел, когда ракеты свое уже почти отработали, выглядело это впечатляюще! Мостик через речку Ула рухнул, переломленный пополам, а через несколько десятков секунд в нее нырнул паровоз с парой вагонов, остальные там не поместились, просто упали под откос. И опять диверсия была совершена на территории округа Литва. Это, видимо, послужило последней каплей, и из Кобелей прислали человека, который передал, что «к ним прибыл ревизор», в виде немецкой жандармской роты. Хорошенько расспросив его: кто и где остановился, мы выкатили свои «kozyри». С таким немцы еще точно не сталкивались. Здесь первую скрипку играл Юрий Иванович. Немцы разворачивали артиллерийскую батарею между Кобеями и урочищем Даржинели. С вершины высоты 124, где у нас был развернут наблюдательный пункт, наши наблюдатели точно привязали к местности немецкие позиции, а Юрий Иванович, при помощи обыкновенных деревянных ящиков, прикрепленных к минометным треногам, отправил туда 60 РОВС-132, перемешав там все с дерьмом: и пехоту, и грузовики, и батарею 150-мм sIG 33. Пришлось временно разминировать дорогу, чтобы утащить уцелевшие трофеи к себе. Тогда я впервые встретился с Алексисом Адриевичусом, старостой села, это он прислал гонца, что немцы прибыли по нашу душу. Немцы были добиты все, били мы не из своего расположения. Район боя проверили на предмет наличия хвостовых частей ракет и утащили их с собой. Но всех людей из Узбярэже все равно пришлось уводить в Русскую пушу. Сделали мы это достаточно вовремя. Через три дня деревню накрыли огнем с той стороны железной дороги, огонь корректировал «хеншель», деревни просто не стало. Единственный крупнокалиберный пулемет в этом деле не помощник. Немцы еще раз сунулись в лес между Кобеями и Узбярэже, но, понеся серьезные потери от снайперского огня, мин и ловушек, отошли. Неделю они вели беспокоящий огонь, пока мы готовили им ответ на той стороне железной дороги. Били они с обратных склонов высоты 131, господствующей в этих местах. Задействовать немецкие 150-мм орудия днем мы не могли из-за авиации, поэтому корректировщики добивались туда долго. В начавшейся ночью дуэли выиграли мы, так как поддержали наших артиллеристов снайперским огнем, вызвав детона-

цию боезапаса на позициях немцев. Впрочем, у нас появилась связь с командованием, которое приказало нам покинуть эти места. Трактора и танк давали нам возможность утащить с собой всю артиллерию, и мы ушли за Котру без потерь, причем через Кобели. То есть растворились в лесах, оставив небольшие заслоны, для того, чтобы быть в курсе событий, и в случае чего вернуться. Немцы и литовские «стрелки» побывали в Узбярэжах. Сунулись в лес, нарвались на мины, вернулись тем же путем, что и пришли, и записали себе уничтожение нашего отряда. Война и канцелярия войны – немного разные вещи. В итоге все остались при своих. Через полмесяца первый батальон вернулся в этот лес. Мы заняли все подготовленные базы уже в конце августа. В районе Лиды пополнение отряда пошло более быстрыми темпами.

Этому способствовало два фактора: начался сбор урожая, и до людей дошло, что зимовать придется, жуя вместе с коровами сено. Геринг сказал, что ему глубочайшим образом насрать, что на оккупированной части СССР начнется голод.

– Пусть мрут, лишь бы в Германии голод не начался. Мне нет никакого дела до населения этих районов.

И оба гауляйтера взяли под козырек и начали требовать это от своих подчиненных. Последние иллюзии о том, что «немцы – культурная нация», распались в эти страшные дни августа сорок первого года. Второе обстоятельство заключалось в том, что разведзвод успешно уничтожил охрану шталага под Лидой на территории Литвы. В числе освобожденных оказался начальник штаба 86-го отряда Иван Янчук, который, несмотря на тяжелые ранения, был еще жив и дал исчерпывающую информацию о том, кого стоит, а кого не стоит принимать в отряд из этих 12 тысяч человек. Сам капитан прожил только пару недель на новой базе у высоты 129. Однажды утром он не проснулся.

Успешной атаке на шталаг предшествовала кропотливая работа в мастерской у Кузьмича. Туда из местной школы мы перевезли все станки и местную «электростанцию». Она в деревне была, это было сделано еще в 1939 году по плану электрификации Западной Белоруссии. Генератор работал от паровой машины. А у Кузьмича была своя паромолотилка, но электричество он получал из колхоза. Перетащить паровую машину мы не могли, поэтому забрали приводные ремни и приспособили их к молотилке. А станки установили в каком-то сарае. Разобрали немецкий глушитель и сделали несколько подобных ему для трофейных винтовок, тщательно пристрелянных, на часть из которых поставили оптические прицелы, частью охотничьи, а частично боевые. Некоторое количество трехлинеек и СВТ на базах были «снайперками», но простым изменением резьбы, мы это попробовали сделать, тактический глушитель под другой патрон не получить. Там есть серьезные «тонкости». Поэтому глушак годился только под М-98, да еще и определенной длины. Благодаря этому успешно сняли часовых на вышках и забросали гранатами комендатуру лагеря и казарму, где располагалось около взвода немцев, кстати, не СС, а какие-то вспомогательные части вермахта, части охраны тыла. Солдаты там в основном пожилые. То есть лагерь особо серьезно и не охранялся. Побегі случались, но местные жители активно помогали немцам ловить беглых, плюс под пулеметным огнем пятьсот метров до ближайшего леса преодолеть практически невозможно. Лагерь стоял на большом поле. Имелся мотор-генератор и прожектора на шести вышках, десять человек часовых, плюс две смены в казарме, щитовом типовом домике. Отдельно жили шесть эсэсовцев: комендант, три унтера и трое рядовых. Разведзвод вышел на него случайно, возвращаясь с рейда на железную дорогу у Марцинканце. Местечко называлось Грибовня, на северной окраине Гродзеньской пуци. Вот между двух веток железной дороги немцы и устроили «пионерский лагерь». Он одновременно служил пересыльным и снабженческим. Малая ветка железной дороги вела к трем небольшим заводикам по производству отопительных брикетов из торфа: в Беньках, Мотылях и Жуброво. На заводах – своя охрана. Все здоровое население лагеря работало на погрузке как готовой продукции, так и на самих заводах. А раненых «лечили», голодом. Собственно, капитан умер

от истощения, так как кормили немцы только тех, кто работал. Остальные либо делились своей пайкой с ранеными, либо нет. Так что капитан отлично знал тех, кто позволил ему дотянуть до освобождения. А остальных можно было в расчет не брать. Вот такая арифметика. Главным мотивирующим лозунгом у немцев был: «Кто хорошо работает, того внесем в списки на пересылку, и он поедет в Германию». И среди 12 000 человек более 8000 старались, и никогда не делились едой с 1350 ранеными и больными. Еще один удивительный факт: из той части людей, которых мы не приняли в отряд, человек 500 стало полицаями в Лидском и в Оранском районах. Лагерь очень многих людей превратил в рабов и скотов.

Отряд пополнился почти полком, более тысячи человек прошли через этот ад и остались людьми, но кладбище неподалеку от высоты 129 пополнялось исправно. Выходить истощенных людей с гангренами мы не могли. Я зарекся проводить такие операции. Помочь всем мы не могли, а такую толпу просто не прокормить. Мы отправили их на восток, но без всякой надежды на то, что хоть кто-нибудь доберется. Сорок винтовок и одна карта на всех. Оставалось только надеяться, что оставшиеся там командиры сумеют создать боевой кулак, добыть еще оружия, и смогут довести хотя бы часть людей до своих. Пришлось долго и мягко уговаривать Ивана Железнякова и Мешку Ведринскаса более таких операций не проводить. Запасы медикаментов опять на нуле, врача в отряде как не было, так и нет, но сделанного уже не вернуть, здесь невозможно перегрузиться и начать все снова. Увидев, что могут помочь тысячам соотечественников, ребята рискнули и выиграли бой без потерь, но теперь мы несем потери, и в случае, если немцы предпримут еще одну карательную акцию, то вынуждены будем бросить и базу, и раненых. Которых немцы добьют. Второй раз брать их в плен никто не станет. Вот такая скорбная статистика первого года войны. Отцы-командиры из далекой Москвы нам помочь практически ничем не могут. Просил, чтобы прислали приказ, запрещающий подобные действия, но так его и не получил. В результате раненых и больных гораздо больше, чем здоровых. Просто филиал госпиталя какой-то. Москва ответила через шесть суток, запрашиваемого приказа я так и не получил. Интересуются аэродромом в Голейцах и воентехником Дедовичем. Сможем ли организовать прием борта? Да, сможем, сможем. Толку от одного самолета? Приказали 120 самых тяжелых раненых и старших командиров, если такие имеются, подготовить к эвакуации. Старших командиров было 16 человек. Иван Янчук улетать отказался, дескать, он еще не видел всех людей, которые остаются в отряде, да и он – средний комсостав. Сели шесть ПС-84И, из которых тюками выбрасывали медикаменты, забрали 121 человека, включая Дедовича, и улетели, оставив нам четырех военврачей и 26 осназовцев. Я был очень доволен. Честно говоря, не ожидал такого.

Загасили огни, как только последний самолет оторвался от земли, и отходим. На подводах только медикаменты, все остальные – бегут. Побежали и осназовцы. Бежать не так далеко – 10 километров. Начштаба, Юрий Иванович, занялся расселением вновь прибывших, в первую очередь врачей, затем бойцов Осназ.

Наутро, на завтрак я увидел, кто к нам прилетел, чуть язык не прикусил от удивления. Причем, ничем себя не выдав, за соседним столом сидел майор госбезопасности Павел Судоплатов. Пил малиновый чай, другого у нас и не было, и жевал гречневую кашу со свиной. Мне стоило больших усилий, чтобы не выдать того, что этого человека я отлично заочно знаю. Он ведь так и не представился. Командиром группы был представлен совершенно другой человек, звание, имя и фамилия которого мне ни о чем не говорили. Сказал, что ему требуется подобрать несколько человек, хорошо знающих местность, и они бы хотели посмотреть на подготовку и учебные занятия, развод на которые был произведен сразу после завтрака. Группа из пяти человек, среди которых находился и Судоплатов, который так и не представился, впрочем, как и все остальные, кроме командира, пошла ходить по лагерю. Внимательно осмотрели нашу экипировку, рюкзаки, разгрузки, производство мин, отработку приемов боевого самбо, работу учебного минного класса, наши составные переносные реактивные установки залпо-

вого огня и прочая, прочая, прочая. Вопросы их командир задавал только бойцам, но не преподавателям. Усиленно демонстрировал свой интерес только к подбору кандидатур. Лишь у «лабиринта» они остановились как вкопанные. Лабиринт имитировал «дурдом», то есть в нем отработывалась стрельба вправо и влево с обеих рук из автомата, при штурме сложного по конструкции здания. Этот элемент в их системе еще не родился, как и многое другое, что они увидели в этом лагере. Лишь после этого спросили у меня: зачем построено это сооружение и для отработки каких действий оно применяется.

– Здесь отработываются приемы штурма здания, его зачистки, но ветер сегодня не совсем подходящий, и на занятиях группа, только приступившая к этому упражнению. Сейчас они производят имитацию штурма по самой простой схеме.

Незадолго до обеда, я к этому времени вернулся в штаб и занимался своими делами, в дверь постучались и часовой доложил, что меня хочет видеть один из новеньких.

– Пускать – не пускать?

– Пусть войдет.

Вошедший Судоплатов показал мне свое удостоверение: Начальник Особой группы при НКВД майор госбезопасности Судоплатов П. А.

– Мне бы хотелось поговорить с вами наедине, товарищ Соколов.

Я тяжело вздохнул, но этого разговора не избежать, попросил радиста, Мешку, начальника разведки и начштаба выйти.

– Гости у нас высокие, поговорить просят. Присаживайтесь, товарищ майор! Чем обязан?

Тот присел, молчит, затем достал из кармана бутылек с облитой сургучом пробкой. «Московская», фирменная.

– Стаканчики сооруди, Петрович, – попросил «московский гость».

Видать, зацепило его то, что он увидел в глухом белорусском лесу. Я поставил на стол граненые стаканы, тарелочку с салом и хлеб. Достал из ножен свой нож. А гость одним ударом по доньшку выбил пробку из бутылки рукой, начал резать сало, но остановился и внимательно осмотрел НР-40.

– Любишь ты оружие, Петрович, сразу виден профессионал. Чем точил?

– Да так, приспособу сделал из немецкой точилки для бритв. Так что ручками, ручками.

– Меня Павел Анатольевич зовут. Ну, за знакомство, товарищ старшина!

– На здоровье! И за знакомство. – Налил он в стаканы совсем по чуть-чуть, так что разговор будет долгим, на пять тостов.

– Мне, как начальнику Особой группы, поручено организовать в оккупированных районах разведку и диверсионную деятельность, с опорой на партизанское движение в тылу противника. Создание которого тоже поручено мне. Приказ получен мною не так давно, в конце июня, но по всему чувствуется, что на местах некоторые отдельные товарищи начали это чуть раньше и с большей эффективностью. У тебя, без малого, уже бригада.

– Для бригады требуется минометный полк, с производством мин на месте, а это вращающиеся формы для литья. Их нет. Обжиг древесного угля мы наладили, но требуется снабжение, нужны взрыватели, вышибные заряды и порох для дополнительных, гексоген и тол. Место и люди для этого у меня есть. А вот минометов и прицелов к ним – только десять. Аэродром – есть.

Главный диверсант ничего не ответил, налил еще понемногу.

– Сергей Петрович, а если в Москву? Вы же прирожденный инструктор, преподаватель с уникальными способностями. Вон как наладили у себя обучение, по всем специальностям. И в окружной школе работали долго и успешно. Скольких людей там подготовили!

– Плохо подготовил, суток не продержались, а все потому, что связан был по рукам и по ногам инструкциями да наставлениями, старыми, как моя смерть.

– Так ведь войска не подошли...

– Подошли, костяк отряда составляют те бойцы, которые приняли бой одновременно с нашими отрядами и заставами. Только одна дивизия, на фронте 50 километров, вытянутая в одну линию, удар группы армий не держит. И противотанковых средств у этих дивизий практически не было.

– Считаешь, что можно было сдержать?

– Можно, если бы готовились к этому. У Узбярэжей мы, восьмером, целую роту положили, и без потерь, но на подготовленной позиции.

– Как?!

И я показал схему боя.

– И таких мест в здешних лесах – море! Ко мне, без очень серьезных потерь, никто сунуться не может. А минные поля нам, пограничникам, устанавливать запрещали.

– Мины я ваши видел, посмотреть бы их в деле?!

– Что на них любоваться? Их делать нужно, и вместо битого чугуна снабжать готовыми элементами. И корпуса должны быть из пластмассы, как телефонные аппараты. На худой конец из жести, штампованные.

– Принцип действия?

– Кумулятивный эффект и рассеивающий. Вот эти можно делать и меньше, их носить будет удобнее, но у нас они не получились, прочности корпуса не хватает. Отбиваться разведгруппам удобно от преследующего противника. Поставил, навел, оставил одного бойца и сделал для него метку, когда привести мину в действие. Рывок удочки и ноги в руки – догонять группу.

– Умно!

– Поставку корпусов надо бы организовать, товарищ майор. Зенитки еще бы, но это несбыточная мечта, бог с ними. Может, чего сами придумаем.

– Так все-таки, может, в Москву? – и он приподнял так и не выпитую вторую рюмку.

– Нет, меня и здесь неплохо кормят. Есть подозрение, что я у вас проверку пройти не смогу. Нога зажала, от контузии всего три маленьких отмети остались, в любую секунду кто-нибудь может сказать, что сам, добровольно, остался на территории, занятой противником, и хрен отмоешься. Тем более что провалов в памяти – полно. Почти никого в лицо не помню. Плюс здесь все знают, что общаюсь я с людьми, которые против советской власти настроены.

– Кстати, почему?

– Если они воюют против немцев, значит, они – союзники, пусть даже временные. Благодаря этому из Кобелей два отделения «стрелков» перешли в отряд, и нас через свою территорию пропускают беспрепятственно. И замполита в отряде нет, его роль выполняет Кузьмич, старый член компартии Западной Белоруссии. Так что партийные и комсомольские организации в отряде есть, но руководящей роли они не исполняют. Руководят членами своих организаций. В отряде – единоначалие.

– А как же Указ от 16 июля о введении института военных комиссаров в частях РККА?

– И о чем же там? Мы такого не имеем, и официально не являемся воинской частью РККА. Я так вообще из другого ведомства. – И предъявил майору госбезопасности удостоверение НКГБ. Тот улыбнулся.

– Ну и жук ты, Петрович! Тебе точно лучше за линией фронта сидеть, не то схлестнешься с кем-нибудь из этого сучьего племени.

– Хлебнем мы еще горюшка от этого Указа, во время войны единоначалие должно быть в абсолюте. И еще: у меня в кармане, после того как очнулся от контузии, не оказалось партбилета. Где он и что с ним – я не в курсе.

– Как это так?

– Да черт его знает. Этот момент у меня из памяти совсем выпал. Так что я здесь посижу. А что касается советской власти, я двумя руками «за», но эта территория вошла в СССР

меньше двух лет назад всего. Врагов советской власти здесь выше крыши. В отряде всего шесть или восемь поляков, которые почти поголовно считают нас оккупантами, а вспоминать о том, что им эти места достались в результате войны 20-го года, они не любят. Говорить им, что мы воюем за возвращение сюда СССР, значит, своими руками их отправить в руки реальных оккупантов. Кого-кого, а немцев здесь отродясь не было. Сейчас немцы совершают ошибку, облагая всех одинаковыми налогами, и тех, кто за СССР, и тех, кто за «Польшу от морза до морза», и тех, кто за Великую Германию, но имеют другую национальность. И только фольксдойчи имеют налоги, как немцы в Восточной Пруссии. А евреев, тех вообще за людей не считают. А их здесь много, более 30–35 процентов населения. Требуется использовать, в свою пользу, ошибки противника. Объединить всех, кто против немецкой оккупации. Людей, поддерживающих немцев, на этой территории меньшинство. А без поддержки населения партизанское движение обречено.

– В этом ты прав, Петрович, но поднимать жестко в Москве этот вопрос я не стану, попытаюсь объяснить, что для районов Западной Белоруссии и других регионов, вошедших в состав СССР недавно, требуются другие подходы и надо не допустить перерастания захватнической войны в гражданскую. Но гарантировать успех в этом направлении я не могу. Шапкозакидательства у нас в избытке. Но немцы прут, может быть, до ГПУ что-нибудь и дойдет.

– Скажите им, что это – другая война, война на уничтожение. Среди немцев нет ни пролетариев, ни крестьян, они – захватчики. Их требуется уничтожать. Всеми имеющимися средствами. Хоть дустом, как клопов или тараканов.

– Нет, Сергей Петрович, не вздумай химию применять! Категорически запрещаю!

– Есть!

– Немцы могут, но не применяют в боях газы и отравляющие вещества. Приказ Ставки однозначно запрещает применение этих средств против противника.

– Есть, применять не будем.

– А что, имеется?

– Да есть маненько, на аэродроме нашли несколько экземпляров.

– Уничтожь. Этого нам только и не хватало.

– Есть, о результатах – доложу. Обозначим это дело буквой «эрь», твердый знак. Запишите.

– Выпить у нас с тобой не получается, Петрович, вопросы поднимаешь слишком серьезные. Что касается твоей системы подготовки личного состава, мне бы хотелось иметь полный конспект по всем специальностям.

– Можете забрать с собой по одному инструктору с каждого курса, и выжмете это из них. Сидеть и заниматься писаниной – некогда, а ротапринта у нас нет.

– Этот пробел политуправление закроет быстро, не волнуйся. Инструкторов заберем, этой ночью мы вылетаем обратно, сколько людей тебе оставить? Подготовлены они серьезно, до уровня командиров батальона.

– Требуются радисты, минеры и артиллеристы.

– Радистов и минеров оставлю, артиллеристов у нас нет. Это наш прокол. Есть самбисты, боксеры...

– Для того, чтобы с голыми руками столкнуться с противником, боец должен просрать винтовку, штык, нож, ремень и найти на поле боя такого же разгильдяя среди противника. Приемы самообороны и боевого самбо изучают у нас только бойцы разведроты.

– Вот туда их и направь. Шестнадцать человек могу оставить.

– А этот самый, их командир?

– Иванов-то? Я, грешным делом, хотел им тебя заместить, не дело, когда таким большим соединением старшина командует, да теперь вижу, что тебя проще в звании повесить, чем

Иванова поднимать до твоего уровня. Заберу через две недели, а использовать буду его в другом месте. Прогони его по всему, что делается в бригаде, и задействуй в операциях. Добро?

– Добро, пусть учится.

– На посошок? – спросил Павел Анатольевич.

– Обед придется сюда заказывать, мы его пропустили, так что есть предложение чуточку подождать с этим вопросом и пообедать.

– Резонно.

– Да-да, пропустите, жду.

Человек в пенсне, с маршальскими звездами на петлицах, повесил трубку телефона, открыл ящик стола, переложил наверх и раскрыл довольно тоненькую папку «Дело» из синеватого картона. На лицевой стороне красовался штамп: Совершенно секретно. Особой важности. Подписано дело было: Операция «Капкан». Берия встал и пошел навстречу группе из пяти человек, вошедших в его кабинет.

– Прорвались? – даже не поздоровавшись, но протянув руку для рукопожатия главе Особой группы, спросил генеральный комиссар.

– Прорываться не пришлось, товарищ генкомиссар. Нас проводили, но на южной границе аэродрома начинался бой. По докладу полковника Медведева, бригада Старшины разгромила в ночном бою до полуроты фельджандармерии. Не полицаев, а немцев. Вот его радиogramма, приняли еще в воздухе.

– Оставьте, Пал Анатолич, не будем нарушать порядок, к столу, товарищи. Итак, по порядку: это – Абвер? Прошу, Николай Герасимович, вы у нас главный спец по немецким разведшколам.

Человек с общевоинскими петлицами, на которых горели алым шесть шпал, встал:

– Признаков немецкой организации в бригаде Старшины мною не обнаружено, за исключением наличия примерно двадцати-тридцати комплектов радиостанций Torn.Fu.g и новейших Torn Feldfu.x. По словам их начальника разведки, у них на складах есть еще столько же, захвачены из вагона отправленного под откос поезда около двух недель назад. Два комплекта, по моей просьбе, было отправлено с нами. Torn Feldfu.x., переданный нам, находится в заводской упаковке, выпущен в мае текущего года. Очень интересная модель однокорпусной радиостанции. В бригаде радиостанции используются на уровне взводов. Этого нет даже у немцев, у них это – ротная радиостанция. Удивительно, но в бригаде практически не используется трофейное вооружение, за исключением Maschinengewehr 34, единого немецкого пулемета, но их немного, около 15 стволов, остальной парк – пулеметы ДП и ДТ.

– Вы что-то хотели добавить? – генеральный комиссар обратился еще к двум командирам, которые невысоко подняли ладони, пытаясь обратить на себя внимание.

– Да, товарищ нарком, имеются штатные отличия от РККА и вермахта. За исключением вспомогательных подразделений, минометно-артиллерийского дивизиона и кавалерии, стрелковые и разведывательные подразделения используют численность отделения в семь человек, разбитых на две группы по три бойца. Один пулеметчик, два человека имеют винтовки с телескопическим или диоптрическим прицелом, три пистолета-пулемета. В наступлении одна группа прикрывает другую, строй фронта в атаке не используется, только уступ. Капитан Заварзин.

– В основе силовой подготовки разведроты используется, в измененном виде, мой комплекс приемов самообороны без оружия, с упором на болевые приемы в стойке и удары открытой ладонью. Активно используются удары ногами, которые отдельно отрабатываются. Эти элементы в моем комплексе не предусмотрены. Майор Ларионов.

– Ценные замечания, товарищи! Что еще?

– Начальником штаба бригады служит офицер бывшей царской армии Алексеев, Юрий Иванович. Используются неприятые в РККА тактические значки для обозначения обстановки. Во время разговоров и при отдаче команд и Алексеев, и Соколов часто используют неуставные выражения царской армии, отмененные еще в 17-м году. Так, например, низшее воинское звание в бригаде – рядовой, а не красноармеец. На мой вопрос ответили, что так короче. В бригаде буквально культ Суворова и Кутузова, Александра Невского, других царских генералов, практически не используются имена героев революции, кроме Чапаева и Фрунзе. Имеются два попа, православный и католический, и две походные церквушки. Но, как выяснилось, ни командир бригады, ни начштаба в церковь не ходят, хотя и не запрещают отправленные религиозных культов. По политическому состоянию бригады у меня масса вопросов, и мне непонятно, почему майор Судоплатов не сменил там командование и не расстрелял прежнее руководство. Батальонный комиссар Млечик.

– А это вопрос к вам, Павел Анатольевич! – заметил Берия.

– Иосиф Моисеевич забывает, что бригада сформирована на территории бывшей Польши, которая меньше двух лет назад вошла в состав СССР. У меня был разговор на эту тему с командиром бригады, его доводы я счел убедительными. Основной его мотив: это другая война, не гражданская, и нельзя допустить, чтобы враги советской власти именно сейчас перешли на сторону врага. Он так и сказал: победим – разберемся, с учетом заслуг в разгроме немецких захватчиков. Тем, кто сотрудничает с немцами, без учета их прошлого, никакой пощады не будет. За это – смерть.

– Отдельным рапортом про этот разговор докладную мне, – заметил нарком.

– Есть! Я его подготовил. Прошу!

Но нарком сунул этот документ в папку, не читая.

– Выводы, товарищи! Ваши выводы! Я их не слышу, ну, кроме мнения товарища Млечика.

– Считаю, что майор Судоплатов принял верное решение. Смена командования сейчас, при условии того, что Соколов отказался от эвакуации в Москву, кроме вреда, ничего бы не принесла. Большая часть бригады могла просто разойтись по домам, оставив нам кучу раненых, которых мы не смогли бы эвакуировать, – высказался капитан госбезопасности Орлов, который выступал первым.

– А почему он отказался эвакуироваться? – спросил нарком.

– Я указал его мотивы в рапорте. Правоту его опасений нам только что подтвердил батальонный комиссар Млечик. А что он такого сделал, чтобы его расстреливать, комиссар? На пустом месте создал бригаду особого назначения? За это, что ли, расстрелять? Не бежит к линии фронта, пытаясь ничем не выдать своего присутствия в тылу противника, а освобождает территории от власти немцев, перетягивает на свою сторону население двух республик. Не просит у нас продовольствие, которого в стране уже не хватает, а организовал снабжение на месте дислокации, – сказал Судоплатов.

– Он просил у нас приказ не освобождать наших военнопленных из немецких лагерей, – мрачно заметил Млечик.

– На его месте я тоже бы попросил такой приказ. Проверить такую массу людей он не в состоянии. Среди освобожденных свободно могут оказаться трусы и предатели. Не все, но и один предатель для партизанского отряда – много. Мы в свои бригады Осназ людей отбираем, они проходят у нас психологический отбор, тщательную подготовку в тыловых лагерях, и только после этого мы отправляем их за линию фронта. И бригады у нас батальонного состава, чтобы каждый боец был на виду. У него таких «стерильных» условий не было и нет. Бригада формируется на основе добровольности. А добровольческое соединение может и должно нести на себе печать довоенных отношений. Считаю верным свое решение, хотя я и подстраховался, на всякий случай оставив там полковника Медведева и группу бойцов Осназ, которые могут

помочь ему либо отойти в относительно безопасные районы, если выяснится, что эта бригада – постановка Абвера, либо забрать власть в бригаде в свои руки, так как среди партизан не только местные, но и бойцы Красной армии. Даже потеряв бойцов из местных, у полковника останется часть людей для формирования нового соединения. Но, судя по утреннему его докладу, вести бой с немцами Старшина не стесняется, а боеготовность его бойцов и командиров достаточна высока, чтобы громить карателей днем и ночью. Нам, товарищ нарком, Соколов передал своих инструкторов, подготовленных им для обучения личного состава по его методикам. Именно поэтому я и принял решение провести дополнительную проверку, и пока ничего не менять в первой бригаде ОСБОН, которую, я настаиваю, необходимо включить в состав войск Особой группы. Плюс к этому нам переданы лекала и выкройки для специального снаряжения разведывательных и диверсионных групп, разработанных в бригаде. Очень удобного и рационального снаряжения. Думаю, что наши инструкторы могут это подтвердить, все они его попробовали. – Присутствующие закивали головами, все, кроме комиссара. – Новые минно-взрывные устройства прицельного действия для управляемых минных засад.

– Это ценно! – заметил генеральный комиссар. – Продолжайте, Павел Анатольевич.

– Новые схемы и тактические приемы для засад и нападения на охраняемые объекты в тылу противника. Разработана тактика действий диверсионно-разведывательных подразделений от отделения до бригады. И штаты для подобных соединений и подразделений. А это залог успеха развертывания в тылу противника реальных разведдиверсионных сил, а не отрядов, которые будут заботиться только о собственном желудке да о девках.

– Кстати! – тут же вставил Млечик. – По словам партизан, старшина Соколов женщинами не интересуется, и этот вопрос в бригаде стоит очень напряженно. Девиц, которые есть в отряде, он предупредил, что не допустит в отряде «блядства». Так и сказал!

Берия посмотрел на главного диверсанта.

– Да, я интересовался, за обедом, этим вопросом у Старшины, на что он, смеясь, ответил, что интересуется только мальчиками: как они несут дозорно-постовую службу, как замаскированы и тому подобное. Что мы все отдыхали, а он, после операции, ходил проверять посты на южном и юго-восточном направлении. Что хотел поспать перед обедом, в компании радиста, начштаба и начальника разведки, в штабе, да тут меня черт принес, так что час отдыха у него вылетел. Серьезных отношений у него завести пока не получается, а легковесные женщины его не интересуют. Для этого нет ни времени, ни желания. Практически не пьет, ста граммов не выпил, несмотря на мои предложения. Так что соответствует тем характеристикам на него, которые у нас имеются. Там в докладной есть подчеркнутый вопрос и мои предположения по данному вопросу. Обсуждать открыто я его не хочу. Требуется проверка по этой линии.

Берия полистал докладную, нашел подчеркнутое место и согласно кивнул головой.

– Я себе пометил. Согласен с вашими выводами, товарищ Судоплатов, что для отказа от эвакуации у «объекта» имелись веские основания. Операция проводилась нашими силами, так что проверить это не представляет сложности. Окончательное решение примем по итогам проверки. Благодарю всех за предоставленные сведения, жду развернутых и обоснованных докладов от всех участников операции «Капкан». Павел Анатольевич, проследите за этим. Достаточно интересно разворачиваются события, надеюсь, что уже сегодня окончательная проверка «Старшины» будет закончена. До свидания, товарищи.

Через час на столе у майора зазвонил телефон, адъютант наркома передал, что Лаврентий Павлович просит его зайти.

– Я еще не закончил работу с документами.

– Сказано: «Зайти срочно», – ответил дежурный капитан и повесил трубку.

Не слишком довольный майор сложил писанину в стол, повернул ключ в ящике и сунул его в карман, погасил свет и вышел из кабинета, направившись вниз по лестнице. Сбили с мысли, он не успел записать ценное соображение, для которого никак не мог подобрать подхо-

дящие слова. На ходу черкнул в блокноте несколько слов, не останавливая движения, и через пару минут вошел в кабинет наркома.

– Проходите! Ваши предположения оказались верными, товарищ майор. Он? – нарком передал ему в руки кожаный с тиснением коричневый чехол, на котором была надпись: «Партибилет ВКП(б)». Майор раскрыл документ, всмотрелся в черно-белую фотографию.

– Он! Откуда?

– Доставлен 28 июня из секретного отдела пограничных и внутренних войск Белорусского пограничного округа. Сдан на хранение в октябре 1940 года в связи с выполнением оперативного задания 3-го отдела округа. Так что не врет капитан госбезопасности Соколов. Приказы я подписал, считайте его бригаду в своем подчинении, товарищ майор. Сегодня о ее действиях будет знать вся страна. Я доложу об этом в Ставку.

– А как же мнение Млечика?

– Само мнение оставить в отчете, а с ним нам придется расстаться. Тем более что он не упомянул в своем рапорте наличие в отряде еще одного священника, раввина. Вы же в своей докладной это отметили и выяснили, что все три священника – жители Узбярэжэй. Здесь у нас формируется бригада НКВД на Ленинградский фронт, направим его туда, с повышением. Нам не нужны твердолобые исполнители на этой должности. Я внимательно ознакомился с вашей докладной, майор. Считаю, что именно неучет фактора польского влияния привел к неудачам на территории Западной Украины, где нам нанесли солидные потери по IV Управлению. Гибче надо работать, Павел Анатольевич, гибче. Старшина этот фактор учел, а вот остальные наши группы несут потери от действий ZWZ, особенно во Львове и в районе Белостока. На этом фоне появление у нас мощного соединения под Гродно крайне нам выгодно. Ставка Верховного Главнокомандования требует усилить диверсионную деятельность на всех направлениях. Выполняйте заявки вашего Соколова. Обеспечьте его всем необходимым для завершения формирования бригады и требуйте активных действий на линиях коммуникаций.

– Тут они интересную мысль подбросили со своей «тележкой». Воентехник Дедович, который ее сделал, прибыл с теми бортами, что нас доставили туда. Соколов передал схему радиовзрывателя для этого устройства. Тележка – разборная, достаточно легко переносится двумя отделениями по семь человек. В качестве взрывного устройства 25- и 50-килограммовые бомбы. Непосредственно к объекту выдвигается только радист и его охранение. Дистанция подрыва – 1,5 километра. Это ж такого шороха в тылу противника можно навести! И это не рельс подорвать, а мост вывести из строя!

– Снаряды от БМ-13 не передавать, только авиационные.

– Есть, товарищ нарком.

– Подготовьте бумаги и найдите, кто будет выпускать эти самобеглые коляски. От моего имени поздравьте капитана Соколова и пожелайте успехов его бригаде. Свободны, товарищ майор.

Довольно потирая руки на ходу, майор направился в свой кабинет: составлять радиogramму для Соколова. Он хорошо понимал, что наркому нечем было порадовать Ставку, поэтому он ухватился за это дело. В других условиях проверка заняла бы кучу времени. А так, раз-два и в дамках!

Наша активность на аэродроме в Голейцах не осталась незамеченной, но кроме полуроты войск охраны тыла немцы быстро направить в этот район не могли. Не имея артиллерийской поддержки, немцы смогли продвинуться на 100–150 метров, после этого по ним и их автотранспорту был нанесен удар минометами и гаубицами, и семью пулеметами в отряде стало больше. Но встал вопрос о создании аэродрома в более глухом и спокойном месте. Его перенесли в район деревни Замостяны, на место старых торфяных разработок, поросших густым кустарником. Широкие канавы по краям и наличие тракторов позволили быстро привести полосу

в нормальное состояние и прикатать ее. Воду из этого болота отвели много лет назад, а слой торфа сняли. Сверху на полосу набросали скошенные прутья, для маскировки. Перед приемом самолета их приходилось растаскивать за проволоку, которыми эти «веники» связали. Затем летчики опробовали взлет и посадку прямо на них, с закрепленной проволокой, попросили чуть забросать это дело землей, и сочли, что все это вполне годится для взлета и посадки. Я же сгородил для радиостанции «Пионер Гродна» узконаправленную антенну, с экраном на обратном лепестке. Тот самый передатчик, который мы прихватили в пионерском лагере, после некоторых улучшений, превратился в дальний привод, с заходом с одного направления. Если Центр сообщал о полете к нам, то мы, строго по расписанию, включали его, облегчая штурманам ориентирование. А перед посадкой антенну разворачивали вдоль полосы, в направлении на Вильно, часть экипажей пользовалась приводом для того, чтобы сесть. Не все, некоторые не умели им пользоваться нормально и садились по визуальным ориентирам.

Понятно, что гордиться все это я начал после того, как неожиданно быстро получил радиogramму, в которой меня поздравляли с новым званием, причем очень высоким. Капитан госбезопасности носит петлицы подполковника, три шпалы. Перевод бригады в прямое подчинение Особой группе при НКВД – это постановка на регулярное снабжение по этой линии, в первую очередь боеприпасами. Дело было в том, что мы вооружались с двух баз-закладок, трофейного оружия у нас было не так много, и его использовали очень ограниченно во вспомогательных подразделениях. А патронного заводика, как в Луганске, у нас не было. Так что каждый бой наносил непоправимый ущерб нашим складам. В первой же радиogramме Судоплатов передал месторасположение еще шести закладок в ближайшей округе и обещал наладить снабжение боеприпасами и толом по воздуху. А так как дело катилось к осени и погода уже стала мокрой и облачной, то первое, что пришло в голову, стала именно узконаправленная антенна. Передатчик был довольно слабенький, его сигнал затухал уже 20–25 километрах. Направленная антенна даст гораздо большую дальность. А чтобы ей не воспользовались гитлеровцы, позади нее я расположил заземленный экран. Антенна получилась «капитальных размеров» – 26 метров, передатчик – то средневолновый, но с неплохим усилением и направленностью. Первоначальная задумка: совместить саму антенну и экран в «одном флаконе», благополучно провалилась, поэтому экран сделали отдельно и стационарно, а антенну отдельно, поднимаемую на телескопической мачте немецкого производства. Ради этой мачты пришлось целую операцию проворачивать в Щучине. Там был немецкий транспортный аэродром, в трех километрах от него немцы установили антенны какого-то передатчика, скорее всего, FuG-6 или FuG-10, приводные глиссадные радиостанции. Ночью ребята Мешки ликвидировали и радиостанцию, и обслугу, и утащили мачту и лебедку, вместе с автомашиной, на которой она была установлена. Но это было уже в конце сентября, когда у немцев в Белоруссии практически войск не осталось. Все было брошено вперед, до последнего солдата, чтобы, как обещал фюрер, до наступления зимы закончить русскую кампанию.

С конца сентября до середины декабря всю постовую службу на дорогах в Гродненской области несла только местная полиция. Немецкие посты существовали только в городах и в местах квартирования немецких гарнизонов тыловых служб и складов. До этого антенна поднималась вручную, с помощью ворота и нескольких блок-шківов. Тем не менее работу нового аэродрома мы обеспечили. Поступили минометы, мы укомплектовали полностью минометный полк, в конце сентября нам перебросили РОФС-132. Бригада, точнее, боевые части бригады совершили 56-километровый марш к слободке Остров-ля под Лидой, в круговую, по лесам. И 3 октября 1941 года, предварительно взорвав мост на реке Лидейке, создали затор и скопление воинских эшелонов на станции Лида. Пока немцы его ремонтировали и прочесывали лес между Кривцами и Обманичами, мы дождались вечера и накрыли станцию и казармы бывшего лидского пехотного полка, где располагался гарнизон Лиды, жандармерия и охранные части, из самопальных РСЗО и минометов. Сам город сильно бомбили немцы, он практически весь

выгорел, жители жили в землянках, поэтому пострадать не должны были. Но это был приказ Ставки: парализовать перевозки на этом участке, поэтому на станцию мы вкатили с четырех сторон шесть наших ракетных дрезин, нагруженных почти тонной бомб каждая. Плюс у немцев на путях были эшелоны с боеприпасами, которые начали подрываться практически сразу. Ну и разлет РОФС достаточно велик.

На отходе было несколько мелких боестолкновений, но больших потерь у нас не было, чего не скажешь о немцах. Но взять Лиду мы не могли: на восточной окраине города у немцев был аэродром с большим количеством зенитных средств, а в рейд мы артиллерию не брали. Тем не менее за удар по Лиде бригаде было присвоено гвардейское звание, а Судоплатов и я были повышены в званиях и награждены. Но на следующий день немцы расстреляли лидское гетто. Его, правда, и в той истории постигла та же участь, но произошло это на полгода позже. Вернувшись из рейда, совершили налет на Езеры. Но там из гетто ушло только 17 человек, остальные остались в городе, их вновь согнали туда, а потом – ликвидировали. Люди еще продолжали верить в человечность противника.

В целом осень 1941-го прошла при полном нашем доминировании на северо-западе республики, в связи резкой нехваткой у противника сил и средств, но с середины декабря за нас взялись эсэсовцы из кавалерийской бригады СС, переброшенные из Баварии. Все правильно! Мы в основном были кавалерийской частью, хотя лихих атак и виртуозного владения шашкой у нас практически не наблюдалось. Кони у нас были спокойные, крестьянские, а не казачьи. Выполняли они самую простую работу: переносили в поводу тяжелое оружие и боеприпасы, придавая бригаде дополнительную маневренность. Еще кавалерийский взвод существовал у разведчиков, хотя сама разведка была пешей.

У немцев, после наших успехов, появился новый начальник: генерал полиции и обергруппенфюрер СС фон дем Бах. Если что, то он кашуб, славянин, а не немец. Чуть позднее этот гад был одним из главных «свидетелей обвинения» в Нюрнберге. Он дал показания на многих из СС и на высшее руководство рейха. Именно он напрямую обвинил вермахт в совершении массовых убийств на территории СССР: «Утверждаю, что антипартизанские операции на оккупированной территории СССР проводились в основном войсками вермахта, поскольку подразделения СД и полиции были малочисленны». Но и этими «малочисленными» подразделениями этот «славянин» отправил на тот свет несколько миллионов наших соотечественников. Проживал он в Минске, дотянуться до него у нас возможности не было.

И вот в середине декабря, уже после начала наступления под Москвой, нам стало известно, что в Гродно выгружается крупное соединение кавалеристов из СС. К тому времени у нас наладилась связь с подпольем на станции Гродно, так как мы планировали там провести такую же операцию, как в Лиде, но без тех косяков, которые пришлось допустить там. То есть требовалось вывести из-под удара железнодорожников и мирных жителей. По Лиде нам такие сведения тоже предоставляли, но наша встреча с представителями подполья не состоялась. Что произошло – я не в курсе, но их представитель на место встречи так и не прибыл. Так как бригада уже находилась на подходах к основной позиции, то отменять налет на станцию Москва не стала. С ребятами из Гродно мы уже провели одну совместную операцию. Это было еще в сентябре. На улице Саперной, сейчас улице Дзержинского, существовал довольно большой кирпичный завод, который производил знаменитый желтый гродненский кирпич. К нему вела железная дорога. Неподалеку от него, ближе к городу, располагался хлебозавод, а между ними находился лагерь для военнопленных и казармы бывшего саперного полка. Сейчас, в наше время, это практически центр города, а тогда, в сорок первом, это были его окраины. Завод вообще располагался за городом. Железную дорогу пересекала проселочная, которая, другим своим концом, начиналась на «нашей» стороне от железки на Вильно. Там, куда немцы и сунуться не могли. Так как войска они отсюда выгребли, то переезд у Богушовки начали охра-

нять «наши полицаи», а вот этот переезд еще охраняли немцы из гарнизона Гродно. «Тележку» и боеприпасы для нее погрузили на немецкую автомашину, и бойцы разведроты, в немецком и литовском обмундировании, заняли в ней место. Давмонт, как я уже писал, свободно говорил по-немецки. Да, акцент у него был, но прибалтийский, не русский. В соседней Литве многие говорили именно так на этом языке. Номера на машине были «литовские». Они отличались от тех, которые немцы использовали здесь. Захват поста проведен ими быстро и бесшумно. После это сгрузили дрезину, погрузили 250 килограммов бомб и в установленное время запустили тележку в сторону моста через Неман. А железнодорожник-подпольщик в это время перевел ручную стрелку, давая возможность дрезине выскочить на главный путь. Она пронеслась через станцию, и разведчики подорвали ее на мосту, выведя его из строя на полмесяца. Так что контакт с подпольем был достаточно крепким и надежным.

Крайний случай нашей активности под Гродно был в Езерах, куда в течение двух суток переместилась кавбригада, тем более что у немцев там имелась возможность ее снабжать по железной дороге. В Езери шла еще и узкоколейка из села Дубинка. По ней поставлялись торф и лес. Но междуречье, между озером и рекой Белой и второй рекой Груд, было неотъемлемой частью нашей территории! То есть баварцы покусились на святое, да еще и дебоширить начали! В частности, они расстреляли гетто в Езерах. Два кавалерийских и один гаубичный полк – вполне серьезная сила! Каждый полк имел: 39 офицеров, 2 администратора, 204 унтер-офицера, 1195 рядовых, на вооружении которых стояло: 42 легких пулемета MG34, 16 тяжелых пулеметов MG34, шесть 81-мм минометов, четыре 75-мм пушки, три 37-мм противотанковых пушки. Если считать только боевые подразделения, то мы уступали немцам по численности вдвое, но превосходили их в тяжелом вооружении многократно. Беда была лишь в том, что ракет к РСЗО у нас было только 40 штук. С началом наступления на Москву наш канал снабжения зачах, самолеты больше не прилетали. Крайний борт прилетал в начале октября. Плюс немецкая бригада не разгружалась в Езерах, а прибыла походным порядком. И так же быстро, используя узкоколейку, один из полков выдвинулся к Дубинкам. В опасной близости от противника оказалось сразу шесть деревень, находившихся под нашим контролем и защитой. Бросить их население на произвол судьбы мы не могли. Зима внесла свои коррективы: в системе обороны появились довольно большие бреши. В это время года болота становятся проходными. Но не для лошадей. Что мы и решили использовать! Было совершенно очевидно, что немцы начнут нас атаковать вдоль двух имеющихся дорог. И основные силы своих саперов мы бросили туда, особо не маскируя их перемещение. Лишь бы успеть!

Я подтянул две артиллерийско-пулеметные роты, с тремя минометными батареями, к деревне Новая Руда, так как немцы могли попытаться оттуда нанести фланговый удар. За это время немцы успели сжечь, без жителей, польское селение Паршукевичи, с жителями которой у нас дружественных отношений не было, но приказ на эвакуацию села отдал я, а не ZWZ. Первые потери немцы понесли в 600 метрах севернее от этого наспункта, в том месте, где дорогу с обеих сторон поджимало два болота, и там практически не было леса. Им было невдомек, что за ними наблюдают из-за болота, и это не простое минное поле, а управляемое. Они отошли назад, их командование остановилось точно у ориентира и начало что-то обсуждать, тогда как кавалеристы в пешем строю залегли и готовились к бою. МОН-50 вынесла кучу офицеров, человек двадцать, считай половину офицерского состава полка. Они отошли сначала к деревне, которую сожгли, а вечереть начало, и Дедушка Мороз нагрязнул, а на них чахлые шинелишки на рыбьем меху. Повернули назад к Дубинкам, а дорога здесь идет по абсолютно прямой просеке. Идут без опаски, ведь только что здесь прошли, и вдруг грохнули «большие» МОНки, да с двух сторон. «Старого» еще образца, с керамическим корпусом. Они у нас самыми мощными были. И четыре «50» подчистили работу «сестричек». Как минимум три из четырех эскадро-

нов остались в этом лесу, если не сами немцы, то их лошади понесли невосполнимые потери. Полк рассыпался, и поодиночке добирался до железной дороги.

Наука пошла немцам впрок, второй полк в наши леса не сунулся, остатки первого полка эвакуировали в ту же ночь, немцы оставили Дубинки. Они перешли на ту сторону Белого озера по существовавшему тогда мосту и двинулись на север по шоссе, идущему через Стриевку. Но и там шоссе прямое, идущее вдоль двух широких канав, которые воду с болот отводят, и тот же лес. И тоже наш! Мы им дали туда втянуться, а затем начали вести подрывы. Залегших в канаву кавалеристов поджидали обыкновенные мины, и те, которые летят с небес. Две просеки, которых не было на карте, дали возможность сосредоточить там 12 батарей минометов. А вот тут мы немцам отойти и не дали. У них сзади-слева наша первая база была, где к тому времени находился целый стрелковый лыжный батальон. Наши трофеи были не столь велики, не считая большого количества пулеметов, но мы разжились таким количеством мяса, что нам, наверное, завидовала большая часть Белоруссии, тем более что конину здесь поляки очень даже уважают, особенно как добавку к своим колбасам. В общем, первая крупная карательная экспедиция против нашей бригады выявила слабую подготовку к подобным операциям у немецких войсковых соединений. Они пренебрегли разведкой, не обеспечили себе поддержку авиацией, повели себя так, как будто приехали здесь вооруженных крестьян усмирять, а не гвардейскую отдельную стрелковую бригаду особого назначения. Наши главные силы: артиллерия, не сделали ни одного выстрела. До наших баз они так и не дошли. Плохо другое, этот самый фон дем Бах на этом не успокоится, и в следующий раз исправит свои ошибки. Тем более что сразу после разгрома немцев на юге нашего района, мы заблокировали вновь работу гродненского железнодорожного узла и двух веток, по которым немцы могли перебросить подкрепления эсэсовцам.

Первое время все в бригаде только и говорили о том, «как мы немцев отделали». Сравнивали это даже с победой под Москвой. На самом деле в тот день, когда разведка донесла, что против нас СС, и они заняли Езери и Дубинку, среди вспомогательных частей и у части бывших военнослужащих РККА, побывавших в плену, чуть ли не паника возникла, которая не замедлила отразиться на совещании в штабе. Предлагались самые фантастические планы: как нам немцев сдержать, основной мыслью которых было: все бросить и уходить. Отвыкли люди от серьезных боестолкновений, да и сидела в подкорке мысль о том, что в этих лесах удастся безопасно отсидеться, после тех ужасов, которые удалось пережить. Да и Юрий Иванович полагался только на свою артиллерию, армейский опыт его превалировал над партизанским. А мы большую часть 150-мм в доты засунули на двух танкоопасных направлениях. Вытащить их можно было, но времени на это ушло бы много, а противник действовал быстро и напористо. Не обратил внимания Юрий Иванович на то обстоятельство, что немцы разведку не ведут, а действуют по предварительно составленному, скорее всего, не ими, плану. А планы хороши только тогда, когда подтверждены соответствующими разведанными. К тому же бригада к тому времени находилась сразу в четырех лагерях, и собрать ее в кулак возможности не было.

Когда возбужденные командиры собрались в штабной землянке и немного выговорились, я заменил карту, созданную в штабе без меня, я выходил на разведку и выводил людей из Паршукевичей. Плюс лично осмотрел дорогу, на которой бывал только летом, и наметил план действий, к исполнению которого саперный батальон приступил еще до совещания. Командовал саперами майор Сабуров, один из осназовцев. Опытный подрывник, хорошо проявивший себя при проведении диверсий на железной дороге и шоссе.

– К плану, подготовленному штабом бригады, мы вернемся тогда, когда немцы подойдут на расстояние семь-восемь километров от основного рубежа обороны. Пока противника там нет, и говорить об этом не приходится. С вашего позволения, Юрий Иванович, мы эту карту отложим. Не возражаете?

– Да что вы, Сергей Петрович! Я просто опасаюсь...

– Опасаются девицы, решившие попробовать запретный плод до алтаря или загса, а у начальника штаба должен быть расчет и нормативы. Насколько я помню, мы такой расчет делали. По нормативам успеваем снять орудия?

– Уж больно быстро они выдвинулись!

– Так ведь сами говорили, что Езери с колес снабжаются из Дубинки. Туда лес и торф, оттуда – кавалерию. Все верно. Вот только дальнобойной артиллерии в Дубинке нет, лично убедился. И не будет, так как на проселке уже выставлена мной засада. Если утром противник выступит в направлении Новой Руды, то мы приведем в действие план активной обороны базы. Смотрите сюда, товарищи.

И я показал на плане от руки начерченный план блокирования дорог в междуречье.

– Основная идея такова: минные постановки производятся по всей длине дороги, но! Мы не будем препятствовать проходу по ней, пока весь полк не втянется на нее. Атакуем их здесь. Причина выбора места: резко изменившийся ландшафт. Необходимо вбить противнику мысль о том, что в лесу – безопаснее, чем на открытой местности. Но удар произведем одиночный, самой мощной у нас миной МОН-200К. Противник попытается рассыпаться, а кони в болото не пойдут. Человек пройти по снегу может, а конь проваливается под тонкий ледок и ранит ноги. «Двухсотка» мина мощная, а впереди у них будет только дорога. Ни вправо, ни влево не свернуть. Любой командир тут же соберет совет: что делать? Прорываться с большими потерями или возвращаться в безопасный лес, тем более что противник в соприкосновение не вступил.

– А верно! И тут мы их из снайперок!

– Никаких снайперок! Ни одного выстрела. Нас нет! А вот эти мины предназначены для комсостава. Бить только по нему, соберутся они, скорее всего, вот в этом месте: и болота видны, и мы там площадочку соорудили, чтобы сани могли разъехаться, а в составе полка есть несколько вездеходов, на которых начальство и ездит. Ну, а при возвращении, вот на этом 600-метровом участке будет нанесен основной удар. Так как противника они не обнаружат, то второй раз соваться в эти места они не станут, а перенесут свои действия либо восточнее, что дает нам возможность накрыть их РСЗО на открытой местности, либо попытаются пройти к Новой Руде кратчайшим путем по широкому шоссе. Для которого у меня готов примерно такой же план активной обороны. Действовать предстоит быстро, задача командиров полков и батальонов обеспечить работу саперного батальона в полном объеме, как транспортом, так и людьми на вспомогательных работах. Остальному личному составу находиться на основных позициях, соблюдать радиомолчание, исключить использование печей в дневное время, обеспечить жесточайший контроль на всех дорогах и тропах. Без письменного приказа начальника штаба передвижение по ним запрещено для всех. Ну, и не паниковать, а готовиться собирать трофеи. Считайте так: в Езери и Дубинку поступило 4300 голов скота, большая часть которого должна перепасть нам в виде свежезамороженного мяса. А это – 2150 тонн мяса, товарищи. Взять их в свои руки – наша задача, – закончил я это выступление совсем по-советски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.